КУРО

КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Юридический адрес:
141006, Московская обл.,
г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13
Фактический адрес:
129344, Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 5
тел./факс: 8(499)189-12-76
e-mail: mo_kuro@mosreg.ru
www.kuro-mo.ru

КУРО

КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

«КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА **ЦИПТУС**

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

ЕЖЕГОДНИК **ЦИПТУС** ● 2025

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления

Библиотека ЦИПТУС № 23

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Ежегодник ЦИПТУС

Мытищи
КУРО
2025

УДК 351/354:342.1
ББК 67.401.1
П 78

Главный редактор *А. Н. Чертков* – докт. юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Корпоративного университета развития образования

П 78 **Проблемы власти и управления** : ежегодник ЦИПТУС / гл. ред. А. Н. Чертков ; Министерство образования Московской области, Корпоративный университет развития образования. – Мытищи : КУРО, 2025. – 50, [2] с. – (Библиотека ЦИПТУС; № 23).

Ежегодник ЦИПТУС за 2025 год посвящен единству публичной власти и единству гражданского общества Российской Федерации, единству публичной власти и единству гражданского общества Республики Беларусь, а также единству Союзного государства и его народов.

Издание предназначено для руководителей и специалистов международного, общегосударственного, регионального и местного уровней, ученых-исследователей в области административного, государственного (конституционного и муниципального), международного права и международных отношений, а также для всех интересующихся вопросами глобального, государственного, регионального и муниципального управления и самоуправления.

УДК 351/354:342.1
ББК 67.401.1

Редактор *Е. Ю. Лосевская*
Оригинал-макет подготовила *Т. Л. Самохина*

Изд. № 1957. Формат 60×90/16.
Уч.-изд. л. 3,05. Усл. печ. л. 3,25. Заказ № 1773

Корпоративный университет развития образования
Юридический адрес: Московская обл., г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13.
Фактический адрес: Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 5

© КУРО, 2025
© Чертков А. Н., гл. ред., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Р а з д е л I. Публично-правовые категории в теории и на практике

Василевич Г. А. Право на труд и обязанность трудиться как проявление солидарности и социальной ответственности 4

Чертков А. Н. Международное и внутрироссийское межрегиональное сотрудничество как инструменты защиты суверенитета и национальных интересов России в современных условиях 9

Р а з д е л II. Государство и право в предупреждении социальных конфликтов

Василевич С. Г. Роль Президента как главы государства в предупреждении и разрешении юридического конфликта 16

Шалберкина М. Н. Правовые проблемы реализации социальных гарантий людей с инвалидностью 25

Р а з д е л III. Проблемы и перспективы совершенствования правоохранительной деятельности

Черкасов К. В., Алексеева А. С. Проблемы и перспективы развития административного законодательства в части привлечения лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к административной ответственности 32

Мартьянова А. А. Роль адвокатуры в обеспечении косвенного доступа граждан и организаций к конституционному правосудию в Республике Беларусь 36

Р а з д е л IV. Страница молодого ученого

Буйко О. Ю. Административная ответственность за невыполнение требований депутата местных советов депутатов 42

Костылева У. В. Правовая природа односторонних ограничительных мер иностранных государств, вводимых против Российской Федерации и российских лиц 46

Сведения об авторах 52

Р а з д е л I
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Г. А. Василевич

Право на труд и обязанность трудиться как проявление солидарности и социальной ответственности

В современных условиях, когда явственно проявились новые вызовы и угрозы стабильному развитию национальных государств, особенно важно обеспечить социальную ответственность каждого, солидарность поколений, эффективно и качественно трудиться, совершенствовать законодательство о труде таким образом, чтобы оно обеспечивало выполнение его функций, играло стимулирующую роль.

Российская Федерация, Республика Беларусь являются участниками практически всех основных конвенций Международной организации труда (в дальнейшем – МОТ, если не предусмотрено иное). Например, Республика Беларусь является участницей таких, как Конвенция относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию (Конвенция № 87), Конвенция относительно защиты заработной платы (№ 97), Конвенция о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году), Конвенция относительно ежегодных оплачиваемых отпусков (№ 52), Конвенция «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю» (№ 47), Конвенция «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» (№ 182), Конвенция «О безопасности и гигиене труда в строительстве» (№ 167) и др. Также используются рекомендации МОТ: Рекомендация № 86 «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году)» (вместе с «Типовым договором о временной и постоянной миграции трудящихся, включая миграцию беженцев и перемещенных лиц»); Рекомендация № 188 «О частных агентствах занятости»; Рекомендация № 164 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде»; Рекомендация № 163 «О содействии коллективным переговорам»; Рекомендация № 159 «О процедурах определения условий занятости на государственной службе». Российская Федерация является участницей всех названных и целого ряда иных документов.

Указанные международные документы, реализуемые в национальном законодательстве и практике, содействуют реализации права на труд.

Трудовые права относятся к категории позитивных прав, которым соответствует обязанность государства обеспечить надлежащие условия для их реализации, включая право на охрану труда, его безопасные условия, в целом обеспечить право на достойный труд. Конечно, эти права связаны с экономическим состоянием государства. Более того, даже на уровне Международного

пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) зафиксировано, что государства-участники обеспечивают экономические, социальные и культурные права в максимальных пределах имеющихся ресурсов.

Трудовые права относятся к правам социальной справедливости.

Фиксация в ст. 41 Конституции Республики Беларусь и в МПЭСКП права на труд означает юридическую возможность человеку обеспечивать материальное существование своим трудом посредством выбора формы занятости (ч. 1 ст. 6). Причем во взаимосвязи с иными статьями Конституции гарантируется свобода труда каждого человека (как формы реализации способности к труду), возможность его трудовой занятости как в государстве гражданской принадлежности, так и в любой иной стране.

Это право предполагает работу в качестве наемного работника, предпринимателя, иные формы самоорганизации, включая самозанятых.

Свобода труда в контексте принципов солидарности и социальной ответственности, обязанности нести государственные расходы, на наш взгляд, предполагают право выбора трудоспособным лицом сферы занятости, а когда этот выбор не сделан по субъективным причинам, допускают понуждение прямо или косвенно к исполнению обязанности по финансированию государственных расходов.

Должны быть обеспечены равные трудовые права мужчин и женщин, молодых и пожилых людей, а также работников-инвалидов, трудящихся-мигрантов, домашних работников, самозанятых и сельскохозяйственных работников. Действует запрет на гендерную и иную дискриминацию, на применение детского и подросткового труда в области, вредной для нравственности и здоровья несовершеннолетних или опасной для их жизни и развития; дети и подростки должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации (ч. 3 ст. 10 МПЭСКП). Статья 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. включает запрет принудительного или обязательного труда. Согласно части первой ст. 2 Конвенции МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде 1930 года (с последующими изменениями и дополнениями) в качестве принудительного труда рассматривается работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой наказания, или выполняемая не добровольно. Однако такая оценка принудительности труда не касается требования об обязательной военной службе, о выполнении работы в условиях чрезвычайных обстоятельств и общественных гражданских работ, выполняемых для прямой коллективной пользы, а также назначенной согласно судебному постановлению.

В условиях развитой экономики в большей степени обеспечивается право каждого на достойный труд.

Развитая экономика предполагает производительный и эффективный труд. Одной из важнейших составляющих достойного труда является обеспечение полной и производительной занятости[1].

[1] Василевич Г. А. О праве на достойный труд // Трудовое и социальное право. Научно-практический журнал. 2021. № 3 (39). С. 19–22.

В Международной организация труда (МОТ) в качестве признаков достойного труда называют «продуктивную деятельность или производительный труд, способный обеспечить конкурентоспособность страны; достойный и справедливый доход для работников; безопасность на рабочем месте; социальную защиту (от безработицы, в случае беременности, необходимости ухода за ребенком, временной нетрудоспособности, пенсионное обеспечение); перспективы для индивидуального развития и социальной интеграции; активное участие в принятии управленческих решений (через профсоюзы и ассоциации предпринимателей); равные стартовые позиции и возможности для обоих полов»[1].

Полагаем, что в Трудовом кодексе можно было бы закрепить в качестве нормы право на достойный труд. Это было бы развитием положений Конституции о праве на труд.

В целом можно наблюдать трансформацию трудовых отношений, прежде всего в области применения наемного труда. Благодаря информационным технологиям труд становится более динамичным, меняется структура занятости.

Цифровизация затрагивает и управленческий труд, то есть сферу государственного управления. Здесь происходит трансформация устоявшихся подходов в области принятия решений. В современный период, для которого характерен технологический прогресс в виде цифровизации, граждане получают новые возможности для реализации своего права на управление делами государством. Формируется новый уклад общественных отношений постиндустриального общества. Цифровая среда в нынешних условиях влияет на развитие конституционного пространства. Используя информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), граждане получают больше возможностей в решении общих социально-значимых проблем, подготовке коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, в отслеживании состояния их работы и воздействии на ее уровень. Использование информационных технологий способно коренным образом повлиять на отношения государства и человека, содействовать расширению прав и свобод. В политической сфере это – использование ИКТ для голосования, обсуждения проектов нормативных актов, рассмотрения обращений граждан, их консультирования.

Социальная ответственность каждого субъекта правовых отношений предполагает надлежащее исполнение возложенных на них обязанностей. Так, в Трудовом кодексе изложены обязанности работников и нанимателей. Хотя в нем имеются статьи 53–55, в которых прямо перечисляются обязанности, некоторые из обязанностей конкретизированы в иных статьях ТК и иных актах законодательства. Согласно ст. 53 для работников устанавливаются следующие обязанности: добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, в том числе выполнять установленные нормы труда; подчиняться прави-

[1] Барет-Рид П. Неотъемлемые признаки достойного труда // Человек и труд. 2003. № 3. С. 5.

лам внутреннего трудового распорядка, иным документам, регламентирующим вопросы дисциплины труда, выполнять письменные и устные приказы (распоряжения) нанимателя, не противоречащие законодательству и локальным правовым актам; не допускать действий, препятствующих другим работникам выполнять их трудовые обязанности; бережно относиться к имуществу нанимателя, принимать меры к предотвращению ущерба; принимать меры к немедленному устранению причин и условий, препятствующих нормальному выполнению работы (авария, простой и т. д.), и немедленно сообщать о случившемся нанимателю и др.

Для нанимателей предусмотрены обязанности, которые они призваны соблюдать при приеме на работу (потребовать документы, необходимые для заключения трудового договора в соответствии с законодательством; ознакомить работника под роспись с порученной работой, условиями и оплатой труда и разъяснить его права и обязанности; ознакомить работника под роспись с коллективным договором, соглашением и документами, регламентирующими внутренний трудовой распорядок; провести вводный инструктаж по охране труда и др.), а также при организации труда работников (рационально использовать труд работников; обеспечивать производственно-технологическую, исполнительскую и трудовую дисциплину; вести учет фактически отработанного работником времени; выдавать заработную плату в сроки и размерах, установленных законодательством, коллективным договором, соглашением или трудовым договором и др.).

В Конституции Республики Беларусь в емкой форме фиксируются обязанности, содержание которых может быть изложено в подконституционных актах. Когда возникают сомнения относительно действия нормотворческого органа в рамках его полномочий, тогда к разрешению спора могут быть привлечены органы, обладающие юрисдикционными полномочиями. На этом фоне весьма ответственно в уточненной редакции ст. 60 Конституции выглядит норма о том, что решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права и свободы, могут быть обжалованы в суде. Кроме того, есть возможность отмены актов, которые противоречат законодательству либо не вписываются в требования вышестоящих органов.

Некоторые виды социальной ответственности отражаются в законодательстве. Многие нормы стимулируют надлежащее выполнение «долга» как разновидности социальной ответственности.

В юридической литературе до недавнего времени уделялось больше внимания социальной ответственности бизнеса. В качестве ее проявления рассматривались, например, выпуск качественной продукции, сохранение рабочих мест нанимателем несмотря на некоторые временные трудности, своевременная уплата налогов, безукоризненное соблюдение законодательства о труде, включая охрану труда, соблюдение деловой этики, прекращение деловых отношений с партнерами, ведущими нечестный бизнес, нарушающими антикоррупционное законодательство и др.

Может, не так акцентированно, но все же обращалось внимание на выполнение общественного долга и гражданами. Например, в юридической литературе раскрывались формы индивидуального участия граждан в предупреждении преступности и борьбе с ней.

Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей. Например, в случае нападения на государство или объявления частичной мобилизации обязанностью гражданина и без получения повестки из военкомата является прибытие на пункт сбора военнообязанных.

В качестве мер воздействия на личность с целью обеспечения правомерного поведения традиционно рассматриваются два метода – убеждение и принуждение. В условиях развития информационных технологий внедряются меры «косвенного» принуждения к такому поведению людей, которое было бы социально ответственным.

В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Для нашего менталитета такой способ управления обществом является весьма необычным, но рациональные идеи здесь есть. Вопрос о том, что является рациональным и допустимым для использования, может быть предметом возможной дискуссии.

Касаясь вопроса о социальной ответственности, необходимо на фоне требований, предъявляемых гражданам, и с учетом обновленного текста Конституции еще больше внимания уделять молодежи, многодетным семьям, пожилым людям.

В Беларуси сохраняются вопросы к распределению молодых специалистов, в частности к их закреплению на местах распределения. Считаем распределение молодых специалистов важной гарантией обеспечения общественных и личных интересов (молодые люди получают гарантированное первое рабочее место). Еще наблюдается высокая их текучесть после окончания срока распределения, в том числе часто и по причине отсутствия приемлемых условий для жизни и работы. Можно было бы внедрить практику распределения молодых специалистов не за три месяца, как сейчас, а за год-два до окончания учебного учреждения. Это позволило бы организациям подготовиться к приему на работу выпускников, обеспечить контроль со стороны государственных и общественных организаций за созданием для них приемлемых условий для проживания и работы, исключить случаи, когда принимающая сторона в этой части не соблюдает требования законодательства, а молодым специалистам – более основательно познакомиться с местом будущей работы.

Целесообразно разработать и утвердить меры по обеспечению более широких возможностей женщинам совмещать обязанности по воспитанию детей с трудовой деятельностью; продолжению женщинами профессионального образования в период нахождения в декретных отпусках.

Содержание права на труд, обязанностей, долга, социальной ответственности с учетом новых конституционных требований, на наш взгляд, будет изменяться посредством совершенствования законодательства. Важно при этом соблюдать конституционные принципы, обеспечивать разумный баланс частных и публичных интересов.

Список источников

1. Барет-Рид, П. Неотъемлемые признаки достойного труда / П. Барет-Рид // Человек и труд. – 2003. – № 3. – С. 4–10.

2. Василевич, Г. А. О праве на достойный труд / Г. А. Василевич // Трудовое и социальное право. Научно-практический журнал. – 2021. – № 3 (39). – С. 19–22.

А. Н. Чертков

Международное и внутрироссийское межрегиональное сотрудничество как инструменты защиты суверенитета и национальных интересов России в современных условиях

29 августа 2025 года Президент Российской Федерации подписал указ «О мерах по дальнейшей оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации». Данным указом упраздняются управление Администрации Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами и управление Администрации Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству. Одновременно с этим формируется управление Администрации Президента Российской Федерации по стратегическому партнерству и сотрудничеству.

Полагаем, что концентрация функций координации международного сотрудничества российских регионов в одном управлении обусловлена текущими глобальными процессами и необходимостью решения стратегических задач развития России и ее регионов в современных условиях. К числу таких задач, безусловно, относятся защита суверенитета и национальных интересов России.

Новый координационный центр мог бы интегрировать усилия регионов в части гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами и регионами государств, а также регионами мира. Речь идет как о постсоветском пространстве (что рассматривалось как приграничное сотрудничество), так и о многочисленных государствах глобального Юга. Впрочем, точечное сотрудничество с государствами Европы также нельзя сбрасывать со счетов, поскольку далеко не все в Европе желают быть недружественными России.

Продвижение ценностей и принципов нашей цивилизации, как проявления «мягкой силы» в различные государства и регионы мира, остается значимым приоритетом политико-правовой жизни России, ее национальным интересом. Борьба за традиционные ценности стала не только важной частью

внутренней политики России, но и значимым ориентиром международного сотрудничества. И регионы здесь могли бы действовать достаточно широко и дифференцированно, поскольку сами субъекты Российской Федерации весьма многообразны при общности ценностей и государственности. Ряд республик России имеет прочные связи с мусульманскими странами, другие регионы связаны с Китаем, Монголией, Индией, государствами Юго-Восточной Азии, государствами Латинской Америки.

Кроме того, вопросы государства и права также оказываются в фокусе внимания. Россия содействует в развитии организации публичной власти, государственного строительства многих государств. Уважение суверенитета каждого государства – важная часть позиции России в международных отношениях. Конкретные механизмы такого содействия в государственном строительстве могут быть разнообразными. Речь и об обучении иностранцев в российских вузах, и о направлении российских консультантов в соответствующие страны, и о совместных исследованиях и проектах, и об иных направлениях деятельности.

Внешнеэкономическим сотрудничеством занимаются другие российские структуры, но с учетом недружественных шагов ряда государств в отношении России и попыток санкционного давления в фокусе внимания международного сотрудничества регионов и координирующих такое сотрудничество структур (не только новое управление Администрации Президента Российской Федерации, но и Россотрудничество) остается научно-техническое и технологическое сотрудничество, иные сферы, в которых Россия противодействует неблагоприятным внешним факторам.

Международное сотрудничество российских регионов обусловлено целым рядом факторов, в частности географической близостью, историко-культурными связями, элементами общего хозяйственного комплекса (например, энергосетей и транспортных путей), стратегическими задачами инновационного развития, общностью или взаимодополняемостью позиций на мировом рынке. Такое сотрудничество направлено на решение общих проблем в самых разных сферах общественных отношений, укрепление социально-культурных и экономико-технологических связей между регионами и странами, наконец, всесторонней кооперации (гуманитарной, социально-культурной, научно-технической, финансово-экономической и т. д.).

Международное сотрудничество регионов включает двусторонние и многосторонние отношения. При этом оно не может не учитывать интеграционные процессы Российской Федерации, прежде всего ее участие в Союзном государстве, СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ.

Более того, сложные интеграционные формы сегодня во многом подпитываются межрегиональным сотрудничеством. Как справедливо отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в ходе выступления 14 марта 2025 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской

Федерации, «сохранение единства между Беларусью и Россией во многом стало возможным благодаря активному межрегиональному сотрудничеству»[1].

Конкретные формы и направления сотрудничества зависят от потребностей и возможностей конкретного региона исходя из общей внешнеполитической линии России. Но все они неизменно направлены на защиту суверенитета и национальных интересов России. На фоне санкционного давления на федеральные структуры, общегосударственные институты, политиков федерального уровня, регионы все более берут на себя функции, которые ранее реализовывал центр. При этом реформа структуры Администрации Президента Российской Федерации свидетельствует о том, что единый координационный центр сохраняется.

Сегодня реализация публичной власти в части региональной политики и международного сотрудничества трансформируется под влиянием глобализационных процессов. Ключевым вызовом остаются вводимые против России меры, условно объединенные термином «санкции». Их можно разделить на следующие категории:

1) технологические (фактический запрет на ввоз технологий, прежде всего в сферах IT-индустрии, космоса, авиации, транспорта, медицины, фармакологии, биотехнологии);

2) финансовые (либо полная заморозка счетов и отсечение от расчетов в основных валютах мира, либо менее жесткие ограничения банков по доступу к мировым финансам, а также заморозка активов ЦБ РФ (золотовалютные резервы в размере не менее $632 млрд.) и запрет любых операций с ЦБ РФ и Минфином России);

3) инфраструктурные (наиболее масштабным видится остановка сертификации «Северного потока-2»);

4) логистические (прекращение лизинга самолетов, запрет поставок в сфере транспорта, отмена выдачи виз, в т.ч. в обмен на инвестиции, и «закрытие» воздушного пространства для авиатранспорта России);

5) торгово-экспортные (блокировка поставок в Россию различных товаров, услуг и технологий);

6) торгово-импортные (отказ от товаров, работ и услуг российского происхождения, прежде всего от нефти, газа, изделий из них, леса и иных природных ресурсов, а также продукции металлургии и иной промышленности);

7) частные (многие иностранные компании прекращают или существенно уменьшают свое присутствие в России либо полностью уходят с российского рынка);

[1] Александр Лукашенко: межрегиональное сотрудничество – основа единства Беларуси и России: выступление 14 марта 2025 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Портал по межрегиональному сотрудничеству. URL: https://regions.eaeunion.org/news/1278/ (дата обращения: 15.09.2025).

8) санкции «отмены» (тотальный отказ целого ряда стран от любых взаимодействий с Россией и россиянами не только со стороны властей, но и корпораций, и общественных объединений вплоть до научных и учебных заведений).

9) персональные (вводятся в отношении конкретных лиц российского происхождения).

Полагаем, что неразумно недооценивать опасности санкций, поскольку их пик приходится на технологически и экономически развитые государства. Сотрудничество России с США не было значительным, поэтому его разрыв не так опасен. При этом Президент США Д. Трамп остановил наращивание санкций. В свою очередь, с государствами ЕС Россия имела обширные экономические и гуманитарные связи, многие отрасли российской экономики были встроены в европейский и мировой рынки. Продолжение санкционной политики ЕС вредит как России, так и самим государствам ЕС.

В то же время не стоит и переоценивать санкции. Важно подчеркнуть, что «санкционный пресс» вовсе не един. Отдельные государства вводят широкий спектр санкций против России, другие лишь частично присоединяются, многие страны вовсе воздерживаются от присоединения к первичным антироссийским санкциям, но ограничивают сотрудничество с нами во избежание попадания под вторичные санкции со стороны развитых государств. Наконец, целый ряд государств взаимодействует если не с Россией, то с ее регионами без учета вторичных санкций.

Современные мировые и российские реалии требуют поиска новых подходов при решении задач регионального развития и сотрудничества. Достижению этой цели во многом способствует взаимодействие субъектов Российской Федерации по вопросам социально-экономического, научно-технического и культурного развития как с регионами зарубежных государств, так и с самими иностранными государствами. В мировой практике поставлен под вопрос такой традиционный принцип права, как «Pacta sunt servanda» (договоры должны соблюдаться), что фактически подвергает большим испытаниям международное право, мировую экономику, социальное развитие человечества. Поэтому двусторонние межрегиональные контакты приобретают все большую ценность.

Мировая нестабильность породила феномен «нового регионализма». Так, в пандемию государства принимали разные меры противодействия угрозе пандемии на разных своих территориях, в зависимости от эпидемиологической ситуации. Региональный аспект внутренней политики резко усилился.

В свою очередь, кризис глобализации привел к регионализации внешней политики. Государства стремятся к региональным союзам больше, чем ищут глобальные ращения.

В рамках названных вызовов и проблем существует и Россия. Во многом санкционный режим и иные факторы мировой нестабильности (в том числе продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции) приводят к тому, что

чрезвычайный порядок становится обычным. Поддерживая новый регионализм[1] в части принятия необходимых мер для социально-экономической стабилизации, преодоления негативных последствий глобальных вызовов, важно не отказываться и от конституционных ценностей федерализма и местного самоуправления. При этом, безусловно, их реализация не может не испытывать влияния современных условий.

С позиций «нового регионализма» можно взглянуть на полномочия регионов и в сфере международных связей, их экономического и социально-культурного сотрудничества. В современных условиях напряженности межгосударственных отношений «региональная дипломатия» приобретает важное значение. Для России было бы продуктивно поддерживать конструктивную коммуникацию на региональном уровне не только с государствами Европы, но прежде всего в странах Азии, Латинской Америки, Африки. В этой связи важно дать возможность реализации региональных инициатив, в том числе в экономике.

Для преодоления санкционного давления необходимо широко использовать современные цифровые технологии. В частности, цифровые финансовые активы могли бы решить многие проблемы российского бизнеса (в том числе с публичным участием) в свете «вторичных санкций». Экспериментальные правовые режимы для трансграничных платежей посредством ЦФА облегчают расчеты с партнерами «глобального Юга».

Сейчас полномочия регионов в сфере международных связей недостаточны, а возможность их реализации на практике затруднена. Федеральный уровень ранее не поощрял соответствующие инициативы, не создавал условий и не формулировал повестку такого сотрудничества. Требуется гибкая позиция центра, обозначение приоритетов и существенное упрощение порядка согласования инициатив с федеральным центром. В современных условиях санкций усилия региональной дипломатии были бы весьма уместны.

В условиях стремления стран Запада и ряда иных к полному прекращению партнерства с Россией (как идеи и практики) во всех сферах, несмотря на существующие договоры и не считаясь с убытками всех сторон, усилиями региональной дипломатии, муниципалитетов и может быть даже институтов гражданского общества можно было бы во многом нивелировать санкционное давление и так называемую «отмену».

Во внутренней политике также можно увидеть черты «нового регионализма». В Московской области реализуется план «Новая экономика Подмос-

[1] Подробнее: Чертков А. Н. Российское региональное публичное управление в условиях глобальной нестабильности: проблемы и пути решения // Проблемы власти и управления. Материалы научной конференции, посвященной презентации доклада «Проблемы совершенствования управления в условиях глобальной нестабильности», 9 декабря 2021 г.: ежегодник ЦИПТУС / гл. ред. А. Н. Чертков; Министерство образования Московской области, Академия социального управления, Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления. М., 2022. С. 26.

ковья». В нем предусмотрено стимулирование создания импортозамещающих производств, проектов нового строительства и модернизации действующих предприятий, приобретения нового оборудования. В Москве функционируют Комиссия по повышению устойчивости развития экономики в городе в условиях санкций и городской сервис подбора альтернативных поставщиков.

Уроком пандемии стало осознание недостаточности компетенции регионов и муниципалитетов в сфере эпидемиологического благополучия. Федеральный центр оперативно внес коррективы в законодательство. Вместе с тем эффективность публичной власти на региональном и муниципальном уровнях требует более гибких моделей разграничения полномочий и больших возможностей для регионов и муниципалитетов. На это отчасти направлен новый Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Межрегиональное сотрудничество внутри России складывается в основном в сфере социально-экономического развития. Федеральный закон от 17 декабря 1999 года № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» не вполне отвечает современным задачам.

Названный Федеральный закон определил ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации как некоммерческую организацию, учредителями которой являются органы государственной власти субъектов Российской Федерации и которая создается на добровольной основе в целях межрегиональной интеграции и социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. В нем есть положения об основных принципах, целях, направлениях и о порядке деятельности ассоциаций экономического взаимодействия.

Однако специфика правового статуса ассоциации экономического взаимодействия как одного из видов юридических лиц закреплена нечетко. Закон относит ассоциации к некоммерческим организациям, но речь идет об объединениях органов государственной власти, а не объединениях юридических лиц. Нет разграничения целей, задач и принципов деятельности ассоциаций. Весь Закон состоит из расплывчатых формулировок. Вместе с тем нужны конкретные механизмы взаимодействия ассоциаций друг с другом и с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Таким образом, международное сотрудничество регионов России, видимо, должно скоординировать и интенсифицировать новое управление Администрации Президента, а внутрироссийское – полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах. Но с самих региональных властей в условиях «нового регионализма» не снимается ответственность за всестороннее решение задач развития региона и помощи стране в реализации национальных интересов и защите суверенитета в непростых условиях посредством межрегионального сотрудничества.

Список источников

1. Александр Лукашенко: межрегиональное сотрудничество – основа единства Беларуси и России: выступление 14 марта 2025 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Портал по межрегиональному сотрудничеству. – URL: https://regions.eaeunion.org/news/1278/ (дата обращения: 15.09.2025).

2. Чертков, А. Н. Российское региональное публичное управление в условиях глобальной нестабильности: проблемы и пути решения // Проблемы власти и управления: ежегодник ЦИПТУС / гл. ред. А. Н. Чертков; Министерство образования Московской области, Академия социального управления, Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления. – Москва: АСОУ, 2022. – С. 22–28.

Р а з д е л II

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

С. Г. Василевич

Роль президента как главы государства в предупреждении и разрешении юридического конфликта

В республиках глава государства обычно выполняет функцию арбитра. Большинство государств – участников СНГ – являются президентскими по форме правления. В отдельных из них (например, в Армении) произошла трансформация от президентской к парламентской республике, где значительную роль в политической системе играет премьер-министр. Национальные правовые системы Беларуси (включая законодательство) и Российской Федерации имеют много схожего, обе республики создали Союзное государство.

В Российской Федерации и Республике Беларусь президенты являются главой государства, что обусловливает их особое положение в общей системе государственно-правового механизма. По своему содержанию ст. 80 Конституции Российской Федерации и ст. 79 Конституции Республики Беларусь близки. В частности, в них подчеркивается, что глава государства является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, он принимает меры, направленные на охрану государственного суверенитета, целостности государства. При этом в ст. 79 Конституции Республики Беларусь закреплено право президента по обеспечению политической и экономической стабильности, преемственности и взаимодействию органов власти, осуществление посреднической функции между ними. В ст. 80 Конституции Российской Федерации использовано более емкое определение полномочий президента в данной сфере – обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

Как известно, в Российской Федерации в 2020 году и Республике Беларусь в 2022 году были внесены изменения и дополнения в конституционные тексты. Не касаясь вопросов о корректировке (уточнении) сроков пребывания президента в должности, можно констатировать, что в Республике Беларусь формируется дуалистическая система верховной власти, однако президент остается, как уже отмечено, главой государства, по форме правления Республика Беларусь является президентской. Ее принципиальные черты, отличающие от парламентской республики, сохраняются.

Именно по инициативе президента Беларуси на республиканский референдум 27 февраля 2022 года был вынесен вопрос о внесении изменений и дополнений в Конституцию. В предложенном тексте проекта было преду-

смотрено создание Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, обладающего широкими полномочиями, прежде всего по вопросам стратегического характера. В настоящее время не только в Конституции, но и в Законе «О Всебелорусском народном собрании» закреплены его полномочия по утверждению основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, утверждению программ социально-экономического развития Республики Беларусь и др. (см. ст. 893 Конституции). Более того, в Конституции установлено, что Всебелорусское народное собрание вправе принять решение по смещению президента с должности, когда он систематически или грубо нарушает Конституцию либо совершает государственную измену или иное тяжкое преступление (см. также ст. 12 Закона Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь»).

При решении вопроса о том, какие нарушения следует считать систематическими, можно было бы использовать принцип аналогии закона. Так, согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» систематическим нарушением Конституции является ее нарушение более двух раз на основании заключения Конституционного суда. Таким образом, при наличии двух подтвержденных Конституционным судом фактов нарушения Конституции и совершении третьего нарушения возможно досрочное прекращение полномочий палат Национального собрания.

Следует ли руководствоваться данным подходом в отношении президента при наличии таких норм в названных выше законах, вопрос дискуссионный. В белорусской практике такого рода вопросы возникали. Вместе с тем следовало бы установить период, в течение которого совершены нарушения, на основании которых палаты парламента могут быть распущены, а президент – смещен с должности. В условиях конструктивного взаимодействия властей вряд ли необходима постановка вопроса о досрочном прекращении полномочий или смещении с должности, поскольку это более характерно для конфликтной ситуации. Что касается грубых нарушений Конституции, то определенный перечень возможен, но определение нарушения грубым все же будет носить субъективный характер. В некоторых случаях нарушения Конституции могут происходить неумышленно, факт противоречия закона или указа президента может быть установлен благодаря кропотливой работе судей (экспертов) Конституционного суда. Эти нарушения могут быть неочевидными, они могут оспариваться сторонами, в связи с чем предпочтительнее вести речь не о грубых, а о явных нарушениях Конституции.

При этом, на наш взгляд, следует различать понятия грубого и явного нарушения, поскольку не каждое явное нарушение может рассматриваться как грубое. В Конституции начиная с 30 марта 1994 года (изначально парламент обладал правом смещения президента с должности) использовалось такое основание, как совершение государственной измены или иного *тяжкого* преступления. Как известно, по российскому и белорусскому уголовному

закону все преступления делятся на четыре категории: не представляющие большой общественной опасности; менее тяжкие; тяжкие; особо тяжкие. Такая категоризация преступлений существовала и на момент принятия в 1994 году Конституции Республики Беларусь. Термин «тяжкое преступление» используется и в ст. 93 Конституции Российской Федерации как основание для отрешения президента Российской Федерации от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения.

На наш взгляд, безальтернативным является вывод о возможности смещения с должности (отрешения от должности) и в случае совершения президентами особо тяжких преступлений.

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии Всебелорусского народного собрания с президентом, еще раз подчеркнем, что решения Всебелорусского народного собрания имеют обязательную силу, а также отметим такое его полномочие, как возможность отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, если они противоречат интересам национальной безопасности. Исключения установлены лишь для актов судебных органов (ст. 89^5 Конституции).

В юридической литературе обращалось внимание на некоторую несогласованность между содержанием ст. 23 и ст. 89^5 Конституции. В части первой ст. 23 Конституции предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека на основе закона и во имя правомерно достигаемых целей, среди которых названы интересы национальной безопасности; общественный порядок; защита нравственности и здоровья населения; права и свободы иных лиц.

Регулятивно-арбитражная функция глав государств Российской Федерации и Республики Беларусь может выполняться как в обычной – «рабочей» – обстановке, при отсутствии явного конфликта между органами, олицетворяющими различные ветви власти, так и в условиях возникновения острых противоречий. Последняя ситуация возможна, когда глава государства отказывается подписать закон, накладывает на него вето и его возражения не воспринимаются парламентом. Это может быть решение кадровых вопросов, когда необходимо участие в получении согласия парламента, решение вопросов о назначении референдума, реализации права законодательной инициативы и др., то есть конфликт может возникнуть между главой государства и иными государственными органами, когда они совместно обязаны решать вопрос. В других случаях конфликт может возникнуть по причине превышения полномочий одним из органов – президентом, парламентом, Конституционным судом.

Белорусской практике известны примеры, когда глава государства не подписывал тот или иной закон по причине нарушения Верховным Советом условий для его принятия. Так, в некоторых случаях парламент не затруднял себя поиском средств для финансирования предусмотренных законом дополнительных расходов. Несмотря на обоснованные возражения президента,

который налагал вето на такой закон, парламент это вето преодолевал. В такой ситуации президент, не имея иной возможности, как отклонить данный закон, издавал указ о его неисполнении. Изначально такой конфликт был порожден парламентом.

В Российской Федерации в некоторых случаях президент предлагал кандидатуры на пост председателя правительства, но со стороны парламента имелись возражения по ним и согласия на их назначение парламент не давал. Конституциями как Российской Федерации, так и Республики Беларусь предусмотрены правовые механизмы для разрешения и таких разногласий, в том числе путем роспуска парламента, чтобы найти компромисс с новым его составом.

Согласно ст. 111 Конституции Российской Федерации, после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных президентом кандидатур на должность Председателя Правительства Российской Федерации президент вправе назначить Председателя Правительства, а также имеет право распустить Государственную Думу и назначить новые выборы.

История XX века демонстрирует, что многие конфликты, в том числе на вершине властной пирамиды, разрешались посредством революций. Стремление к доминированию на европейском континенте и даже в мировом масштабе привело к развязыванию двух мировых войн.

Конец прошлого столетия для Российской Федерации и Республики Беларусь был непростым в силу обострения противоречий между высшими органами государственной власти. Так, в октябре 1993 года была применена военная сила против Верховного Совета Российской Федерации. Не вдаваясь во все перипетии назревания этого конфликта, отметим, что принятие 12 декабря 1993 года новой Конституции Российской Федерации способствовало на указанном этапе некоторой консолидации общества, нахождению компромисса.

Практически в тот же период (1994–1996) происходило обострение отношений между Верховным Советом 12-го и 13-го созывов и Президентом Республики Беларусь. Как следует из публикаций, посвященных анализу данного конфликта, его причиной послужили объективные и субъективные факторы. Верховный Совет Республики Беларусь, начиная с 1990 года и до вступления 30 марта 1994 года новой Конституции в действие, обладал верховенством власти в Республике Беларусь. По сути, это была суперпарламентская республика после устранения в августе 1991 года Коммунистической партии от руководства государством. Вся властная пирамида замыкалась на Верховный Совет, который обладал правом формирования правительства, мог отправить его полностью либо отдельных членов в отставку, вправе был заслушать любое должностное лицо о выполнении своих обязанностей. Согласно действовавшей на тот момент Конституции Беларуси 1978 года (с изменениями и дополнениями) Верховный Совет был вправе принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, находящийся в ведении Республики Беларусь. В ряде случаев он подменял исполнительную власть.

После принятия Конституции в 1994 году и избрания Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко полномочия Верховного Совета существенно изменились. Значительная их часть перешла к главе государства, который также стал одновременно и главой исполнительной власти.

На наш взгляд, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь указанный период был периодом трудного формирования новой политической и правовой парадигмы; сказывались и субъективные факторы.

Юридический конфликт между ветвями власти может проявиться в связи с нормативными правовыми актами, право на издание которых они имеют в соответствии с законодательством.

В доктрине, а также на практике возникали вопросы о соотношении декретов и законов. В юридической литературе была высказана аргументированная позиция, согласно которой декреты обладают приоритетом независимо от времени их издания и времени принятия закона[1]. В принятом 10 января 2000 года Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (утратил силу) было закреплено, что новый акт обладает верховенством по отношению к ранее принятому акту. Это правило действовало по отношению к одноуровневым актам. В настоящее время Президент Республики Беларусь не обладает правом издания декретов, однако ряд ранее изданных декретов сохраняют свое действие. При этом следует иметь в виду, что согласно части третьей ст. 142 Конституции нормы декретов обладают верховенством по отношению к принятым до их издания законам. Также в данной статье предусмотрено, что декреты признаются утратившими силу законами. На наш взгляд, в силу статуса главы государства целесообразно в Законе «О Президенте Республики Беларусь» предусмотреть право признания декретов также и указами.

Касаясь вопроса об областях компетенции парламента и президента, И. В. Вегера предлагает следующие три области: исключительную компетенцию парламента, преимущественную компетенцию парламента и исключительную компетенцию Президента Республики Беларусь[2].

Приведенная классификация компетенций парламента и президента не бесспорна: в президентской по форме правления республике вполне уместно вести речь о преимущественной компетенции главы государства. Традиционно в советский и достаточно часто в постсоветский период определяется, что закон – это акт, регулирующий наиболее важные общественные отношения. Однако в президентской республике у главы государства могут быть так называемые подразумеваемые полномочия, которые он реализует в условиях нетипичной, нестандартной ситуации (например, политический и экономический кризис, угроза национальному суверенитету).

---

[1] Вегера И. В. Механизмы разрешения коллизий между законодательными актами Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2007. № 10. С. 148.

[2] Там же.

В конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь предусмотрены нормы, касающиеся досрочного прекращения полномочий палат парламента и процедуры импичмента президента.

Как отмечалось, согласно Конституции Российской Федерации полномочия Государственной Думы могут быть прекращены в случае трехкратного отказа в даче согласия президенту на назначение предложенных им кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации. В этом случае президент имеет право самостоятельно назначить Председателя Правительства Российской Федерации, распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. В Конституции не содержится прямой ответ на вопрос, необходимо ли после новых выборов получать согласие Государственной Думы на продолжение исполнения обязанностей Председателя Правительства ранее назначенного президентом лица. Полагаем, что нет, поскольку Конституцией определен порядок разрешения конфликта между президентом и Государственной Думой. Для сохранения деятельности Государственной Думы в Конституции установлены гарантии: недопустим ее роспуск в период рассмотрения вопроса об обвинении президента, во время военного или чрезвычайного положения, в последние шесть месяцев полномочий Президента Российской Федерации.

Альтернативные варианты действий Президента РФ (роспуск Государственной Думы либо отставка правительства) предусмотрены применительно к случаям выражения Государственной Думой вотума недоверия Правительству либо отказа в доверии ему (ст. 117 Конституции), установлено право президента воспользоваться согласительными процедурами при необходимости разрешить возникшие между органами власти разногласия.

Конституцией Российской Федерации предусмотрен порядок отрешения президента от должности с участием двух палат Федерального Собрания, Верховного и Конституционного судов (ст. 93).

Согласно ст. 104 Конституции Республики Беларусь в редакции от 15 марта 1994 года президент мог быть смещен с должности по причине нарушения Конституции или совершения преступления; при этом правом постановки вопроса о его смещении с должности обладали не менее 70 депутатов (всего парламент состоял из 260 депутатов) Верховного Совета.

Для решения Верховным Советом Беларуси вопроса о смещении президента с должности необходимо было предварительное заключение Конституционного суда. Такого рода процедура была начата в октябре–ноябре 1996 года в преддверии республиканского референдума, назначенного на 24 ноября 1996 года, однако она не была завершена по причине поддержки народом предложенного президентом проекта изменений и дополнений в Конституцию. Более того, по свидетельству очевидцев данного процесса, Конституционный суд сам нарушал процедурные требования при подготовке к рассмотрению указанного вопроса.

В настоящее время в Конституции Республики Беларусь детально определены меры по разрешению конфликта между президентом, парламентом,

правительством. В частности, предусмотрено право президента досрочно прекратить полномочия палат парламента по причине выражения, например, вотума недоверия правительству или отказа в доверии правительству, в случаях неутверждения программы деятельности правительства и др., а также при двукратном отказе в даче предварительного согласия на назначение премьер-министра.

Важно, что при этом президент принимает решения по указанным вопросам после официальных консультаций с председателями палат парламента. В качестве контрмеры предусмотрен запрет на роспуск палат в период чрезвычайного или военного положения, в последние полгода полномочий президента либо в период, когда палаты рассматривают вопрос о досрочном освобождении президента от должности, либо в период решения Всебелорусским народным собранием вопроса о смещении его с должности.

Если ранее, до референдума 2022 года, вопрос о смещении президента с должности рассматривался исключительно палатами парламента, то в настоящее время его рассмотрение отнесено к компетенции Всебелорусского народного собрания. Причиной для этого, как отмечалось, может быть систематическое или грубое нарушение президентом Конституции, совершение тяжкого преступления или государственной измены.

В Конституции Республики Беларусь детально оговорена процедура смещения президента с должности и роспуска палат парламента, в частности предусмотрен запрет на роспуск палат в течение года со дня их первого заседания, а также в последний год полномочий (ст. 94). В связи с этим возникает вопрос о возможности выражения в данное время вотума недоверия, или отказе в доверии правительству со стороны парламента, или неутверждении им программы деятельности правительства, поскольку сроки полномочий, начало деятельности правительства могут не совпадать с периодом деятельности парламента соответствующего созыва.

Конституция, законы Республики Беларусь («О Национальном собрании Республики Беларусь», «О Президенте Республики Беларусь», «О Совете Министров Республики Беларусь») не дают ответа на вопрос о возможных вариантах действий главы государства в случаях, если парламентом принимаются указанные выше решения в период своего рода иммунитета на роспуск его палат. Полагаем, что в такой ситуации важен поиск компромисса. Это может быть выражено в удовлетворении требований парламента либо дополнительной аргументации предложений правительства, которые явились основанием для отказа в доверии, выражения вотума недоверия, с целью возможной отмены решения палаты представителей, содержащего негативную оценку деятельности Совета министров. Полагаем, что это целесообразно сделать в двухмесячный срок со дня вынесения палатой представителей решения, что согласуется с указанной в части 3 ст. 94 Конституции нормой о решении президентом вопроса о досрочном прекращении полномочий палат парламента.

Для европейских государств нетипичен такой орган, как Всебелорусское народное собрание, которое является высшим представительным органом народа Республики Беларусь. В отличие от предшествующих всебелорусских народных собраний, которые собирались раз в пять лет и статус которых определялся законом, настоящее собрание обладает правом принятия решений, имеющих обязательную юридическую силу на всей территории страны, его решения не нуждаются в чьем бы то ни было утверждении. Ранее решения Всебелорусского народного собрания могли быть реализованы посредством издания законов или актов главы государства. В Конституции и Законе «О Всебелорусском народном собрании» определены конкретные полномочия данного органа. Всебелорусское народное собрание интегрирует все ветви власти: в него входят все парламентарии, а также представители исполнительной, судебной власти и гражданского общества. В таком плане, на первый взгляд, это противоречит разработанной Дж. Локком и Ш. Монтескье концепции разделения властей. Однако нам импонируют аргументы Ю. А. Тихомирова, который предложил новый взгляд на данную концепцию, утверждая, что главное – какие законы принимают органы власти, отвечают ли они духу народа, его культуре, менталитету[1].

В Конституции прямо не указано, что акты Всебелорусского народного собрания возвышаются над всеми актами текущего законодательства, то есть обладают верховенством, но этот вывод может быть сделан на основании части второй ст. 89[5], согласно которой его решения могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов, должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности. Данное правомочие не распространяется на акты судебных инстанций. В связи с этим важно определить содержание понятия «национальная безопасность», на что уже было обращено внимание.

Как отмечено ранее, анализ Концепции национальной безопасности Республики Беларусь позволяет сделать вывод, что категория национальной безопасности охватывает не только безопасность от внешних угроз, но и демографическую, продовольственную, экологическую, информационную и иную безопасность.

Таким образом, Всебелорусское народное собрание формально-юридически по своему статусу возвышается над иными органами в случаях принятия решения об отмене акта, противоречащего национальной безопасности. Как уже указывалось, Всебелорусское народное собрание принимает окончательное решение о смещении президента с должности. При возникновении конфликтной ситуации оно может принимать решения по наиболее острым вопросам общественно-политической жизни.

[1] Тихомиров Ю. А. О новом «Духе законов» или... прощай, Монтескье? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 97–104.

Анализируя статьи Конституции во взаимосвязи, можно обратить внимание на некоторые юридические коллизии в системе координат – Всебелорусское народное собрание – Президент Республики Беларусь. Ранее нами отмечалось, что президент обладает правом роспуска палат парламента или принятия решения об отставке правительства, отдельных его членов. Это правоприменительные правовые акты. С учетом содержания ст. 89^5 Конституции о праве Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты и иные решения государственных органов и широкого понимания национальной безопасности все же нецелесообразно вести речь о праве Всебелорусского народного собрания отменять решения президента в отношении указанных органов. На наш взгляд, вторгаться в исключительную компетенцию главы государства Всебелорусскому народному собранию не следует. Допустимо ли это в условиях явной угрозы национальной безопасности, например когда отставка правительства при наличии внешней или внутренней угрозы способна дезорганизовать общественную жизнь, ответ должен дать законодатель либо Конституционный Суд посредством толкования конституционных норм.

Как отмечалось выше, в Конституции Республики Беларусь установлены такие экстраординарные нормы, согласно которым можно обойти исключительные права президента. Например, в соответствии с Конституцией президент, как глава государства, обладает правом введения чрезвычайного или военного положения (п. 29 ст. 84), указы о которых подлежат рассмотрению Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь (п. 8 ст. 98). Но при бездействии президента согласно п. 8 ст. 89^3 Конституции этот вопрос решается, как отмечалось, Всебелорусским народным собранием по инициативе Президиума Всебелорусского народного собрания или Совета Республики Национального собрания. Данная норма отражает особый статус Всебелорусского народного собрания как органа, который в критических ситуациях призван разрешать юридический конфликт.

Рассмотренная конструкция властных полномочий отражает специфику конституционного законодательства Республики Беларусь и подтверждает вывод, что при определенных условиях Всебелорусское народное собрание может занимать доминирующее положение в политической системе белорусского общества. В теоретико-прикладном аспекте важен вопрос о том, является ли возможное бездействие президента на введение чрезвычайного или военного положения, когда Всебелорусское народное собрание нашло для этого основания и ввело его, достаточным для смещения главы государства с должности в связи с грубым нарушением Конституции. Полагаем, что ответ на данный вопрос относится к компетенции законодателя.

Затрагивая вопрос о выстраивании отношений между законодательной и исполнительной ветвями власти с целью исключения какого-либо затяжного конфликта, подчеркнем важность постоянного контроля законодательной (представительной) ветви власти над исполнительной ветвью, а также особую роль судебного конституционного контроля. Контрольно-финансовые органы также должны быть вправе осуществлять указанные полномочия по отноше-

нию к правильности расходования органами представительной власти выделенных средств в соответствии с законом о бюджете[1].

В Конституции Республики Беларусь предусмотрены и другие варианты цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. Изложенные меры по разрешению возможных споров в значительной степени имеют гипотетический характер.

Спокойное развитие в последние годы ситуации в Республике Беларусь, отсутствие в парламенте «агрессивной оппозиции» создает благоприятную атмосферу для взаимодействия властей. Однако юридическая наука, основываясь на конституционных предписаниях, обязана, на наш взгляд, предвидеть возможные варианты развития событий, в том числе негативного характера.

Список источников

1. Вегера И. В. Механизмы разрешения коллизий между законодательными актами Республики Беларусь / И. В. Вегера // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2007. – № 10. – С. 145–151.

2. Сурков, Д. Л. Проблемы реализации общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации / Д. Л. Сурков // Академический юридический журнал. – 2000. – № 1. – С. 15–16.

3. Тихомиров, Ю. А. О новом «Духе законов» или... прощай, Монтескье? / Ю. А. Тихомиров // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2 (81). – С. 97–104.

М. Н. Шалберкина

Правовые проблемы реализации социальных гарантий людей с инвалидностью

Социальные гарантии отнюдь не всегда составляли традиционный предмет конституционного регулирования. Как справедливо подмечается учеными-правоведами, «конституционные модели социального государства получили особое распространение в XX в.»[2]. И наше государство, являясь правопреемником Союза ССР, следует из положений Конституции РФ, было первым социалистическим государством, в котором социальные права и следующие за ними социальные гарантии получили непосредственное закрепление в конституционном акте – Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, являющейся составной частью Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики[3].

[1] Сурков Д. Л. Проблемы реализации общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 15–16.

[2] Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. С. 8.

[3] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

В юридической литературе отмечается, что уровень социальной защищенности граждан СССР являлся одним из самых высоких (если не самым высоким) для своего времени[1]. Следуя правовой традиции, действующая Конституция Российской Федерации курс на укрепление социальных гарантий продолжает, несмотря на то, что многие современные государства сегодня фиксируют фундаментальные социальные права в обычном законодательстве. Правильно ли то или другое – однозначного ответа на этот вопрос не имеется, поскольку единой социальной концепции прав человека не сложилось, однако закрепление социальных прав в положениях конституций в большей степени накладывает на государства поддержание определенного уровня жизни граждан, вне зависимости от меняющихся экономических реалий. Напомним, что с формированием современной правовой государственности в 1990-х годах некий соблазн превалирования частных интересов над интересами общества возник[2]. Однако этот миф был развеян, поскольку только общество делает возможным существование государства, а индивидуальный интерес с его разобщенными взглядами и конфронтацией часто разобщает людей.

Ежегодно 5 мая во всем мире отмечается день борьбы за права инвалидов. Эта дата приурочена к важному событию – вступлению в силу 3 мая международного документа – Конвенции о правах инвалидов. Целью данного события является привлечение внимания органов публичной власти, общественности к проблемам защиты прав и свобод лиц с инвалидностью, а также реализации социальных гарантий. Напомним, что наше государство ратифицировало данный документ в 2012 году[3], профильный Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[4] (Закон № 181-ФЗ) был принят ранее, следовательно, с ратификацией международной Конвенции в нашей стране должна произойти постепенная имплементация международных норм в национальное законодательство.

По данным Росстата России, по состоянию на 31.12.2023 в нашей стране насчитывалось 11 млн. 41 тысяч лиц с инвалидностью, по состоянию на 31.12.2024 года эта цифра выросла до 11 млн. 123 тысяч[5]. В специализированной литературе отмечается, что доля инвалидов I группы за это время ощутимо выросла, II группы – уменьшилась, а III группы – почти не измени-

---

[1] Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. С. 75.

[2] Формулировка «приоритет прав человека» содержалась в проекте Конституции РФ, одобренном Конституционной комиссией в октябре 1991 г. (см. Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров. Москва: Проспект, 2017. С. 320).

[3] Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2280.

[4] Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

[5] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964

лась[1]. Согласно нормативному содержанию приказа Минтруда России от 26.07.2024 № 374н «Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» условно инвалидность классифицируется на получение ее в первичном и вторичном возрасте, а также на ментальную инвалидность и инвалидность, возникшую в результате психофизических нарушений. Погружаясь в исследуемую проблематику, хотелось бы сказать, что в свое время инвалидность ассоциировалась у большинства общественных масс с получением ее во вторичном возрасте, как правило, это были инвалиды войны, а термин «инвалид» сопоставлялся с термином «иждивенец».

Меняется ли сегодня отношение общества и государства к лицам с инвалидностью? И какие препятствия стоят на пути реализации профильного Закона № 181-ФЗ, определяющего государственную политику в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, а также общепризнанными принципами, нормами международного права и международными договорами?

При анализе положений профильного Закона № 181- ФЗ, состоящего всего лишь из 35 статей, обращает на себя внимание следующее. Положения п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ определяют, что социальная защита и социальное обеспечение инвалидов находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В этой плоскости и пришлись изменения на долю профильного Закона № 181- ФЗ в 2004 году. С принятием Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ (Закон № 122-ФЗ)[2] полномочия по социальной защите и социальному обеспечению инвалидов были перераспределены между Федерацией и ее субъектами следующим образом. Исключив из ст. 5 Закона № 181-ФЗ термин «компетенция» по отношению к органам государственной власти субъектов РФ, законодатель использует формулировку «участие» по отношению к органам государственной власти субъектов РФ в исследуемой сфере, тем самым крайне сужая их полномочия. Нет полномочий – и последствия соответствующие, на практике в этом можно вполне убедиться, например в части обеспечения лиц с инвалидностью жильем[3].

---

[1] URL: https://medvestnik.ru/content/news/Dolya-invalidov-I-gruppy-vyrosla-v-Rossii-do-22.html

[2] О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

[3] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1. 2016. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. 2016.

В 2014 году с ратификацией вышеупомянутого международного документа федеральным законом от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов»[1]были преподнесены новеллы в части предоставления инвалидам следующих гарантий социальной защиты на всех уровнях публичной власти. По аналогии с понятием международного уровня «универсальный дизайн»[2] в положениях Закона № 181-ФЗ появляются новые термины: «беспрепятственная среда», «доступная среда». Суть этих новелл – в отработке формирования доступной среды на уровне субъектов Российской Федерации, в охвате как сфер жизнедеятельности инвалидов, так и потребностей самих инвалидов. Следовательно, универсальный дизайн, собственно, как и универсальная безбарьерная среда, – это все услуги в рамках социальных гарантий, предоставляемые лицам с инвалидностью по месту жительства, или некая нормализация, где человек с инвалидностью может адаптироваться. В современном понимании лица с инвалидностью не должны настраиваться на иждивенческие настроения, они должны быть частью полноценного обществе. Именно такой подход формируется из анализа отечественного законодательства в исследуемой сфере. Что же на практике получается?

Обратим внимание, что наметилось продвижение законодательства по квотированию рабочих мест – одному из видов мер поддержки инвалидов. Так, в частности, с принятием нового профильного Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»[3] (Закон № 565-ФЗ) и постановления Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов»[4] лица с инвалидностью получили дополнительную потенциальную возможность трудоустройства, а будущие работодатели – перспективу выполнить объем соблюдения квоты. Однако небольшая ремарка: сколько в нашей стране трудоустроенных лиц с инвалидностью? По данным Росстата, по состоянию на 31.12.2024 года 1 млн. 640 тыс. человек[5]. Капля в море по

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ // СЗ РФ. 12. 2014. № 49 (Часть VI). Ст. 6928.

[2] Согласно Конвенции о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006), «универсальный дизайн» означает дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна. «Универсальный дизайн» не исключает ассистивные устройства для конкретных групп инвалидов, где это необходимо. // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

[3] О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

[4] О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов (вместе с «Правилами выполнения работодателем квоты для приема на работу инвалидов», «Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов»): постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 // СЗ РФ. 2024. № 23 (Часть I). Ст. 3187.

[5] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964

отношению к общей численности лиц с инвалидностью. В соответствии с вышеупомянутым Законом № 565-ФЗ трудоустройством лиц с инвалидностью занимаются органы службы занятости населения, которые, напомним, в недавнем времени подверглись реорганизации и, как следствие, сокращению.

К сожалению, лишь 20% лиц с инвалидностью в общей численности лиц трудоспособного возраста, имеющих инвалидность, трудоустроены. А остальные, получается, живут за счет социальных пособий; следовательно, вышеуказанные иждивенческие настроения никуда не деваются. «В соответствии с Государственной программой РФ "Доступная среда", занятость инвалидов трудоспособного возраста к 2020 г. должна была достичь 40%, а к 2025 г. – более 51%»[1]. Отдельно стоит сказать о категории таких лиц, как инвалиды детства. Большая часть таких лиц – это дети с ДЦП, которые достигли совершеннолетия, получили образование. Здесь следует не упустить момент сопровождения их трудоустройства и прививания соответствующих жизненных навыков, плодотворной почвой для которых послужат определенные юридические организационные механизмы, благоприятствующие созданию адаптивной среды. Если их нет, то время адаптации упущено и бремя ухода за инвалидом детства ложится на плечи родителей, вынужденных становиться иждивенцем своего ребенка, потому что и работать, и ухаживать за такими людьми физически невозможно. У лиц с инвалидностью огромный потенциал, реализовать который мешает отсутствие нормального социального обслуживания и доступной среды.

Одна проблема тянет за собой другую, более острую. Так, в профильном Законе № 181-ФЗ только в 2023 году с принятием Федерального закона от 25.12.2023 № 651-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] понятия «инвалид» и «ребенок-инвалид» разводятся, причем достаточно лаконично, ограничением для последнего возрастных пределов (18 лет). А как же выделение по тяжести состояния, которая нужна ребенку-инвалиду с точки зрения получения образования, занятия спортом и прочее?

Люди с инвалидностью привязаны к месту жительства намного сильнее, чем все остальные. Законодательство обязывает уполномоченные органы публичной власти создавать условия для доступной среды, но подходить к этому нужно основательно, не в погоне «за дизайном», а следуя цели – реальному созданию условий. Отдельными экономистами отмечается, что меры содействия и поддержки занятости инвалидов расширяются и на федеральном, и на региональном уровнях, что сообразно требованиям Конвенции о правах инвалидов, ратифицированной Россией 3 мая 2012 года[3]. Однако

---

[1] Планируется усиление ответственности за невыполнение квоты для инвалидов // ЭЖ-Бухгалтер. 2024. № 21. С. 5.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25.12.2023 № 651-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 1 (Часть I). Ст. 32.

[3] Сафонов А. Л., Фадин Н. И. Зарубежные и отечественные подходы к решению проблемы занятости инвалидов на современном рынке труда // Социальное и пенсионное право. 2025. № 2. С. 13–22.

ситуация с обеспечением доступной среды достаточно разнится в субъектах Федерации. По-прежнему сохраняются определенные организационные и даже ментальные барьеры. К примеру, к числу проблемных вопросов относится, казалось бы, очевидное – установка пандусов на лестничных маршах. Но на практике нередко пандусы не устанавливаются, либо устанавливаются, но очевидно ненадлежащего качества или иного стандарта (подходят только для чемоданов), либо они просто неисправны. Все это негативно влияет на жизнь лиц с ограниченными возможностями. Для решения данных простых и очевидных вопросов требуются долгие судебные разбирательства вплоть до рассмотрения коллегиями Верховного суда РФ.

Хотелось бы обратить внимание на отдельные законодательные инициативы. Так, к примеру, депутатами Государственной Думы РФ был внесен законопроект № 785670-8 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" и в статью 33 Федерального закона "О социальной защите инвалидов"»[1], цель которого – расширение круга лиц, относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства, путем включения в него региональных общественных объединений инвалидов (при условии принятия на работу не менее 15% инвалидов – участников специальной военной операции), что приведет к обновлению состава получателей государственной поддержки, следовательно, и к расходам на федеральный бюджет. 22 января 2025 года этот законопроект возвращен субъекту законодательной инициативы как не соответствующий требованиям ст. 104 Конституции РФ.

Еще один пример, законопроект № 965620-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации"[2] в части назначения ежемесячных выплат лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы» предполагает увеличение выплаты с 1 500 руб. до 10 000 руб. В настоящее время законопроект внесен на рассмотрение в Государственную Думу в осеннюю сессию, однако исходя из текста заключения Правового Управления на проект федерального закона № 965620-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (первое чтение)[3] о том, что «положения о ежемесячной выплате определенным в законопроекте категориям граждан, не являющихся инвалидами, а осуществляющих уход

[1] О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и в статью 33 Федерального закона «О социальной защите инвалидов»: законопроект № 785670-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/785670-8

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: законопроект № 965620-8. URL https://sozd.duma.gov.ru/bill/965620-8 https://sozd.duma.gov.ru/bill/965620-8 (дата обращения: 08.09.2025).

[3] Заключение Правового Управления на проект федерального закона № 965620-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/965620-8 (дата обращения: 09.09.2025).

за ними, не согласуются с предметом регулирования Федерального закона» и этот законопроект останется в аналогичном статусе как и предыдущий, рассмотренный выше. На официальном сайте Государственной Думы РФ можно увидеть, что за 2024–2025 годы было внесено 10 законопроектов по проблемам защиты инвалидов, но все они недостаточно проработаны и не решают насущных проблем инвалидов.

Полагаем, что правовое обеспечение социальных гарантий людей с инвалидностью требует более комплексного подхода и тщательной проработки. Совершенствование законодательного регулирования рассматриваемых вопросов должно сочетаться с качественным улучшением правоприменительной практики в столь чувствительной области социальных отношений.

Список источников

1. Мартышин, О. В. Философия права: учебник для магистров / О. В. Мартышин. – Москва: Проспект, 2017. – 352 с.
2. Планируется усиление ответственности за невыполнение квоты для инвалидов // ЭЖ-Бухгалтер. – 2024. – № 21. – С. 5–11.
3. Сафонов, А. Л. Зарубежные и отечественные подходы к решению проблемы занятости инвалидов на современном рынке труда / А. Л. Сафонов, Н. И. Фадин // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 2. – С. 13–22.
4. Сурков, Д. Л. Проблемы реализации общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации / Д. Л. Сурков // Академический юридический журнал. – 2000. – № 1. – С. 15–16.
5. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография / Т. Я. Хабриева. – Москва: Наука РАН, 2016. – 320 с.
6. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

Р а з д е л III

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. В. Черкасов, А. С. Алексеева

Проблемы и перспективы развития административного законодательства в части привлечения лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к административной ответственности

Административная ответственность в России является одним из важнейших институтов административного права, гарантирующих соблюдение общественных норм в сфере государственного управления и обеспечение общественного порядка и безопасности. На сегодняшний день рассматриваемый вид ответственности остается одним из важнейших государственно-правовых средств воздействия на правопорядок в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России, в числе прочего, направленных на обеспечение дисциплины среди лиц, отбывающих уголовное наказание, а также на предупреждение возможных правонарушений в условиях изоляции от общества.

Осужденные, несмотря на признание их виновными в совершении преступлений и вынесение в отношении них приговора в виде лишения свободы, остаются субъектами права и обязаны соблюдать установленные правила поведения, нарушение которых влечет за собой применение различных санкций, предусмотренных административным законодательством. Нельзя отрицать, что правовой статус таких лиц несколько отличается от статуса лиц, не отбывающих уголовного наказания в условиях изоляции от общества, что сказывается и на привлечении их к административной ответственности.

Особенность правового статуса лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России, во многом обусловлена распространением на них норм уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающего предоставление прав и возложение на них обязанностей, подчиненных интересам исполнения уголовных наказаний, закрепленных в Уголовно-исполнительном кодексе и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (Правила), утвержденных приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» и представляющих собой единую правовую систему в данной области.

Полагаем, что административное законодательство, в свою очередь, должно учитывать специфику положения таких лиц, обеспечивая баланс между защитой

интересов общества и соблюдением их прав. Тем не менее на современном этапе развития административного законодательства оно не выделяет таких лиц ни в качестве особых, ни в качестве специальных субъектов административной ответственности, что приводит к определенным проблемам в процессе привлечения их к административной ответственности и негативно сказывается на практике применения административных санкций.

Рассматриваемая категория лиц, наряду с административной, несет и дисциплинарную ответственность, установленную нормами уголовно-исполнительного законодательства. Важность закрепления особого административно-правового статуса лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, посредством признания их особыми субъектами административной ответственности заключается и в отсутствии четкого разграничения предметов ведения между административным и уголовно-исполнительным законодательством, регулирующим привлечение осужденных к тому или иному виду юридической ответственности. Наличие норм, имеющих двойное регулирование, а именно деяний, признаваемых и административными правонарушениями, и нарушениями установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы, нормами административного и уголовно-исполнительного законодательства соответственно, приводит к снижению эффективности борьбы с правонарушениями среди осужденных к лишению свободы. Такая ситуация видится возможной в связи с тем, что лицо, отбывающее наказание в исправительном учреждении, согласно действующему законодательству отнесено к субъекту административной ответственности, для которого не предусмотрен особый порядок привлечения, и правоприменитель имеет право самостоятельно решать, к какому виду ответственности его привлекать.

В свою очередь, вопрос отнесения осужденных к общему, специальному или особому субъекту административной ответственности в административной науке исследован недостаточно. Некоторые ученые полагают, что осужденные, совершившие правонарушение, содержащее в себе все признаки административного правонарушения, должны привлекаться к административной ответственности на общих основаниях[1]. Другие же высказываются о необходимости рассмотрения особенностей административно-правового статуса осужденного и внесения в него соответствующих изменений[2].

---

[1] Горовой В. В., Нарусланов Э. Ф. Алгоритм привлечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных к административной ответственности за оскорбление // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 25 апреля 2019 г. / под ред. Л. В. Павловой. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2019. С. 105; Поникаров В. А. Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4). № 3. С. 342–343.

[2] Румянцев Н. В., Журавлев В. В. К вопросу об административной ответственности лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1. С. 74; Гришин Д. А. Коллизионные вопросы применения административных наказаний в отношении осужденных // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 30–31.

В этой связи невозможно не согласиться с В. И. Селиверстовым, который отметил, что особый правовой статус осужденных формируется «не только в специализированном (уголовном и уголовно-исполнительном), но и в ином законодательстве, опосредующем правовой статус граждан»[1].

Разделяя позицию авторов об особенности административно-правового статуса лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, важно подчеркнуть, что они обладают достаточным набором специфических черт для отнесения их к особым субъектам административной ответственности. Полагаем, что основанием такой особенности является особый административно-правовой статус указанных лиц, формируемый нормами не только конституционного, административного и иных отраслей права, распространяющимися на всех граждан и территорию России, но и уголовно-исполнительного права, распространяющимися на ограниченный круг лиц, в том числе отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Важно отметить, что законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях распространяют свое действие и на исправительные учреждения, находящиеся в границах такого субъекта. К тому же осужденные, отбывающие уголовные наказания в местах лишения свободы, в случаях, предусмотренных ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, имеют право выезжать за пределы таких учреждений, что обусловливает большую возможность совершения административных правонарушений. Примерами некоторых административных правонарушений, которые осужденные могут совершить при выезде за пределы исправительного учреждения, согласно закону Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» являются: вовлечение несовершеннолетних в процесс употребления сжиженных углеводородных газов путем вдыхания; нарушение правил поведения при посещении массовых мероприятий; воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или члена общественного пункта охраны порядка; приставание к гражданам в общественных местах; гадание в общественных местах; игра в карты или иные азартные игры на территориях общего пользования; нарушение тишины и покоя граждан и так далее)[2].

Однако распространение на лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, норм уголовно-исполнительного права, кратковременность их выездов за пределы исправительных учреждений и нахождение в местах лишения свободы обусловливает проблемы, возникающие при их привлечении к административной ответственности. Так, например, в отношении осужденного, совершившего административное правонарушение за пределами исправительного уч-

[1] Селиверстов В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: теория и прикладные проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 34.

[2] См., напр.: ст. 2.10.1, 3.2, 3.3, 3,8, 3.9, 3.10, 3.13 Закона Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (ред. от 05.06.2024) // Ведомости Московской городской Думы. 2007. № 12.

реждения, может быть применена мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде доставления при привлечении его к ответственности другими уполномоченными на то субъектами правоприменения. Время, в течение которого осуществляется доставление, законодательно не определено, лишь оговорено, что должно быть применено в возможно короткий срок. В указанном случае может сложиться ситуация, при которой осужденный не сможет оповестить администрацию исправительного учреждения и вовремя вернуться, что повлечет определенные правовые последствия.

К тому же, невозможным к назначению для рассматриваемой категории лиц видится такое административное наказание, как административный арест, представляющий собой изоляцию виновного лица от общества на основании решения судьи. Однако в настоящее время законодательством не предусмотрено механизма реализации такого наказания за административное правонарушение для лица, уже изолированного от общества за совершение уголовного преступления, что видится не совсем верным. Полагаем, что лицо, подвергнутое уголовной ответственности, которое не предпринимает попыток к законопослушному поведению и не делает должных выводов о противоправности совершаемых им деяний, должно наказываться с учетом его личности и характера совершенного им административного правонарушения.

В связи с наличием определенных фундаментальных проблем, возникающих при привлечении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России, к административной ответственности, имеет место утверждение о неполноценной реализации целей административного законодательства в отношении такой категории лиц. Для решения обозначенной проблемы считаем необходимым, поддерживая мнение Н. А. Мельниковой[1], исключить конкуренцию правовых норм путем внесения изменений в гл. 2 КоАП РФ, а именно предусмотреть ст. 2.6.3 «Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях», что позволит закрепить особый административно-правовой статус одноименной категории лиц и устранит проблемы двойного регулирования при привлечении их к ответственности, а также разработать механизмы реализации применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и административных наказаний в отношении указанной категории лиц.

Список источников

1. Горовой, В. В. Алгоритм привлечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных к административной ответственности за оскорбление / В. В. Горовой, Э. Ф. Нарусланов // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зару-

[1] Мельникова Н. А. Некоторые проблемы юридической ответственности осужденных // Преступление, наказание, исправление: сб. тезисов выступлений и докладов участников IV Междунар. пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России), Рязань, 20–22 ноября 2019 г.: в 10 т. Т. 2. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2019. С. 154.

бежных стран: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 25 апреля 2019 г. / под ред. Л. В. Павловой. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2019. – С. 105–107.

2. Гришин, Д. А. Коллизионные вопросы применения административных наказаний в отношении осужденных / Д. А. Гришин // Административное право и процесс. – 2022. – № 4. – С. 26–31.

3. Мельникова, Н. А. Некоторые проблемы юридической ответственности осужденных / Н. А. Мельникова // Преступление, наказание, исправление: сб. тезисов выступлений и докладов участников IV Междунар. пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России), Рязань, 20–22 ноября 2019 г.: в 10 т. Т. 2. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2019. – С. 152–156.

4. Поникаров, В. А. Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы / В. А. Поникаров // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30 (1–4), № 3. – С. 336–344.

5. Румянцев, Н. В. К вопросу об административной ответственности лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев, В. В. Журавлев // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 1. – С. 71–75.

6. Селиверстов, В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: теория и прикладные проблемы: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Селиверстов Вячеслав Иванович; Академия МВД РФ. – Москва, 1992. – 37 с.

А. А. Мартьянова

Роль адвокатуры в обеспечении косвенного доступа граждан и организаций к конституционному правосудию в Республике Беларусь

В правовом государстве, каким стремится быть Республика Беларусь, обеспечение доступа к правосудию, в том числе конституционному, является краеугольным камнем защиты прав и свобод граждан и организаций. Конституционное правосудие, осуществляемое Конституционным судом Республики Беларусь (Конституционный суд), играет важнейшую роль в обеспечении верховенства Конституции и законности. Однако прямой доступ к Конституционному суду в большинстве случаев ограничен (предметом обжалования являются только законы), что делает особенно важной роль адвокатуры в обеспечении косвенного доступа граждан и организаций к этому виду правосудия.

Под косвенным доступом к конституционному правосудию понимается возможность граждан и организаций через субъектов, уполномоченных обращаться в Конституционный суд, инициировать рассмотрение вопросов конституционности нормативных актов, затрагивающих их права и законные интересы. В качестве таких уполномоченных субъектом следует назвать президента, палаты парламента, правительство, Всебелорусское народное собрание и Верховный суд Республики Беларусь.

Кроме того, косвенный доступ к конституционному правосудию подразумевает возможность обращения к Конституционному суду через суды общей юрисдикции (ч. 2 ст. 112 Конституции). Адвокатура может сыграть значи-

тельную роль в реализации этого механизма через суды общей юрисдикции и других уполномоченных субъектов.

Если суд общей юрисдикции сталкивается с вопросом о конституционности нормативного правового акта, он может приостановить дело и направить запрос в Конституционный суд для получения разъяснений.

Адвокат, обладая специальными знаниями и опытом в области права, выступает своего рода «фильтром», выявляя и формулируя конституционно-правовые вопросы, которые возникают в процессе рассмотрения конкретных дел.

Как свидетельствуют статистические данные, на практике предложения, основанные на инициативных обращениях, от уполномоченных субъектов в Конституционный суд не поступают, а механизм, предусмотренный частью второй статьи 112 Конституции Республики Беларусь, не применяется судами общей юрисдикции.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что на сегодняшний день граждане и юридические лица испытывают ряд препятствий при реализации права на опосредованное обращение в Конституционный суд.

Согласно статье 1 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» одной из целей юридической помощи является обеспечение доступа физических и юридических лиц к правосудию (в том числе конституционному).

Адвокаты, осуществляя представительство интересов своих доверителей в судах общей юрисдикции, анализируют применимое законодательство на предмет соответствия Конституции. Они выявляют коллизии между нормативными актами различной юридической силы, противоречия между законодательством и конституционными принципами, а также пробелы в правовом регулировании.

На основе выявленных проблем адвокаты формируют четкие и обоснованные конституционно-правовые вопросы, которые могут быть поставлены перед судом. Важно отметить, что качественно сформулированный вопрос повышает вероятность того, что суд обратит на него внимание и, в случае необходимости, обратится в Конституционный суд.

Вопрос о конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении конкретного дела, может ставиться не только по инициативе суда, но и по ходатайству сторон рассматриваемого дела, их представителей. В связи с этим при возникновении сомнений в соответствии Конституции нормативного правового акта, подлежащего применению, с целью обеспечения своевременной защиты прав и свобод клиента, обязанностью адвоката, участвующего в судебном заседании в качестве защитника, представителя стороны, становится заявление ходатайства о проверке конституционности данного нормативного правового акта[1].

[1] Синицына А. М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. 2020. № 6. С. 115–120.

Вовремя заявленное ходатайство адвоката о проверке конституционности подлежащих применению норм при условии надлежащего реагирования на него судов, рассматривающих дело, может позволить избежать долговременного процесса обжалования судебного постановления и способствовать своевременному исключению из законодательства неконституционных норм, нарушающих права и свободы граждан.

В связи с этим полагаем, что необходимо совершенствовать правовой механизм реализации положений части второй статьи 112 Конституции, предусмотрев дополнительные гарантии обеспечения права на постановку гражданами, организациями, их представителями вопроса о конституционности применимого в деле нормативного правового акта.

Таким образом, адвокатура играет ключевую роль в обеспечении косвенного доступа граждан и организаций к конституционному правосудию в Республике Беларусь. Ее деятельность способствует выявлению и разрешению конституционно-правовых проблем, возникающих в процессе применения законодательства, и обеспечивает защиту прав и свобод граждан и организаций от неконституционных нормативных актов.

Направления деятельности адвокатуры в сфере обеспечения реализации механизма косвенного доступа к конституционному правосудию являются многообразными и важными для защиты прав граждан. Адвокаты играют ключевую роль как консультанты, представители интересов клиентов и просветители, что способствует более эффективному функционированию системы конституционного правосудия в Республике Беларусь. Участие адвокатуры не только повышает качество судебного разбирательства, но и обеспечивает более широкий доступ граждан к защите своих прав через механизмы, предусмотренные Конституцией.

В 1998 году Конституционный суд Республики Беларусь поднимал вопрос о роли адвокатуры и ее инициативности в контексте защиты прав граждан и обеспечения правосудия. С тех пор ситуация могла измениться, и адвокатура, как институт, могла адаптироваться к новым условиям и требованиям.

В начале 2000-х годов адвокатура в Беларуси сталкивалась с различными вызовами, включая ограничения в деятельности адвокатов, недостаточную правовую осведомленность граждан о своих правах и механизмах их защиты. В этом контексте Конституционный суд подчеркивал важность активной позиции адвокатов в защите прав клиентов и инициировании обращений в суды.

На сегодняшний день роль адвокатуры в Беларуси продолжает оставаться значимой, адвокаты продолжают играть важную роль в инициировании дел, связанных с защитой прав граждан. Не должны быть исключением обращения в Конституционный суд по вопросам конституционности норм права.

Конституционный суд также обращает внимание на то, что суды практически не выполняют обязательных требований статьи 112 Конституции ставить в установленном порядке вопрос о признании нормативного акта неконституционным, если при рассмотрении конкретных дел они приходят к выво-

ду о несоответствии нормативного акта Конституции. Невыполнение судами данного требования приводит к применению в течение длительного времени противоречащих Конституции нормативных актов, препятствует скорейшему формированию единообразной практики, что отрицательно сказывается на состоянии конституционной законности. Рассмотренные Конституционным судом в 1998 году дела свидетельствуют о безынициативности и адвокатуры в этом направлении. Конституционный суд не располагает данными, что по гражданским, уголовным делам заявлялись ходатайства адвокатов перед судами о проверке в установленном порядке конституционности актов, подлежащих применению в конкретном деле.

Реальное обеспечение реализации гражданами права на судебную защиту, включая опосредованный доступ к конституционному правосудию, является необходимым условием повышения уровня гарантированности их конституционных прав и свобод, прав и законных интересов организаций.

Согласно ч. 2 ст. 112 Конституции, если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения в конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению, суд до вынесения судебного постановления ставит в установленном законом порядке перед Конституционным судом вопрос о проверке конституционности данного нормативного правового акта.

Разрешение Конституционным судом запросов судов является правовой гарантией обеспечения конституционной законности в правоприменении, поскольку позволит судам общей юрисдикции устранить возникшие сомнения в конституционности нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении ими конкретных дел, до принятия по делам решений.

Предусмотренный на конституционном уровне механизм взаимодействия судов различных юрисдикций выступает гарантией достижения цели правосудия при разрешении различных категорий дел – обеспечения каждому судебной защиты его конституционных прав и свобод.

Запросы от судов общей юрисдикции в Конституционный Суд Республики Беларусь являются важным механизмом косвенного доступа к конституционному правосудию. Однако такие запросы не поступают. Адвокаты могут сыграть ключевую роль в содействии этому процессу через несколько направлений.

Например, адвокаты могут инициировать и участвовать в программах повышения квалификации для судей, где будут обсуждаться вопросы конституционного права и механизмы обращения в Конституционный суд. Такие мероприятия могут включать проведение обучения для судей, где будут разъясняться их права и обязанности в контексте обращения в Конституционный суд, подготовку статей и материалов, которые освещают практику обращения в Конституционный суд и примеры успешных дел, участие в рабочих группах с судьями для обсуждения актуальных вопросов конституционного права и возможных обращений в Конституционный суд.

Адвокаты имеют множество возможностей для содействия тому, чтобы запросы от судов общей юрисдикции поступали в Конституционный суд. Через обучение, консультирование, активное участие в судебных разбирательствах, общественную деятельность и лоббирование изменений в законодательстве адвокаты могут способствовать более эффективному использованию механизма косвенного доступа к конституционному правосудию. Это не только повысит уровень защиты прав граждан, но и укрепит саму систему правосудия в стране.

Адвокаты могут играть важную роль в процессе направления запросов от судов общей юрисдикции в Конституционный Суд Республики Беларусь. Хотя сами суды инициируют такие запросы, адвокаты могут содействовать этому процессу несколькими способами. Прежде всего, во время судебных разбирательств адвокаты могут поднимать вопросы о конституционности применяемых норм права в ходе судебного процесса, что может побудить судью рассмотреть возможность обращения в Конституционный суд. Адвокат может предложить судье инициировать запрос в Конституционный суд, если считает, что дело имеет значительное конституционное значение, подготовив обоснование для судьи о необходимости обращения в Конституционный суд, указав на конкретные нормы и их возможное несоответствие Конституции. Кроме того, адвокаты могут использовать общественное мнение и средства массовой информации для привлечения внимания к проблемам. Публикация статей или комментариев о проблемах с конституционностью определенных норм может побудить суды обратить внимание на необходимость запроса. Общественное давление может способствовать тому, чтобы суды более активно рассматривали возможность обращения в Конституционный суд[1].

Адвокаты могут сотрудничать с правозащитными организациями для обмена информацией. Правозащитные организации могут предоставлять адвокатам информацию о случаях, которые требуют обращения в Конституционный суд.

Таким образом, адвокаты могут содействовать тому, чтобы запросы от судов общей юрисдикции поступали в Конституционный суд через консультирование судей, активное участие в судебных разбирательствах, использование общественного мнения, сотрудничество с правозащитными организациями и повышение своей квалификации. Эти действия помогают создать условия для более активного использования механизмов защиты прав граждан через обращение к высшему судебному органу страны.

Эффективный механизм, предусматривающий порядок рассмотрения органами и лицами, обладающими правом внесения в Конституционный суд

[1] Чигринов С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституц. Суда Респ. Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.). Минск: Белорус. Дом печати, 2014. 256 с.

предложений о проверке конституционности акта, обращений граждан и организаций с инициативой о проверке конституционности акта, позволит гражданам и организациям надлежащим образом реализовывать право опосредованного доступа к конституционному правосудию и стать реально действующими участниками конституционного процесса, что будет способствовать повышению уровня защиты конституционных прав и свобод и укреплению конституционной законности.

Таким образом, хотя Конституционный суд ранее указывал на недостаточную инициативность адвокатов, современная ситуация показывает, что адвокатура продолжает развиваться и адаптироваться к новым условиям. Адвокаты должны стать более активными участниками процесса защиты прав граждан, инициируя, в случае необходимости, обращения в Конституционный суд по вопросам конституционности нормативных правовых актов.

Список источников

1. Синицына, А. М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности / А. М. Синицына // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 6. – С. 115–120.

2. Чигринов, С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь / С. П. Чигринов // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершествования: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституц. Суда Респ. Беларусь, Минск, 27–28 июня 2014 г. – Минск: Белорус. Дом печати, 2014. – 256 с.

Р а з д е л IV
СТРАНИЦА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

О. Ю. Буйко

Административная ответственность за невыполнение требований депутата местных советов депутатов

Повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления Беларуси во многом зависит от правового и фактического статуса депутата местного Совета депутатов. Вопрос о правовом статусе депутата местного Совета депутатов в Республике Беларусь представляется весьма актуальным, поскольку результаты деятельности местного самоуправления в целом в значительной мере зависят от того, создает ли законодательство необходимые условия для беспрепятственного и эффективного осуществления полномочий депутатами местных советов.

Слово «статус» имеет латинское происхождение (status – состояние, положение) и может означать как сложившееся состояние, так и правовое положение.

Депутат (от лат. deputatus – посланный, выборный) – лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган государства или местного самоуправления, представитель в этом органе определенной части населения – избирателей своего избирательного округа.

Существуют различные подходы к трактовке статуса депутата. В упрощенном смысле статус депутата включает объем депутатских полномочий и гарантии их осуществления. Подобный подход закреплен в действующем Законе Республики Беларусь от 27 марта 1992 года № 1547-XII «О статусе депутата местного Совета депутатов» (Закон «О статусе депутата местного Совета депутатов»)[1].

В широком смысле в муниципальном праве, в законодательстве о местном самоуправлении под статусом депутата местного Совета принято понимать правовое положение депутата местного представительного органа государственной власти, определяемого совокупностью правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с политико-правовой природой депутатского мандата, его возникновением, сроком действия и прекращением, полномочиями депутата, гарантиями его деятельности, а также подотчетности, подконтрольности и ответственности[2].

Деятельность депутатского корпуса должна осуществляться систематически, с исключением проявлений формального подхода и пренебрежения ин-

[1] Куневич Г. Г. Депутатам местных Советов о правовых основах местного самоуправления в Республике Беларусь. Минск: Тесей, 2007. С. 43.

[2] Там же.

тересами граждан. Основной задачей депутатов является повышение уровня жизни населения, а их профессиональные и личностные ресурсы должны использоваться максимально эффективно.

Для полноценного выполнения своих функций депутат должен обладать как формальными правами, так и реальными возможностями их применения. В этом контексте следует говорить не только о повышении эффективности деятельности депутатов местного Совета депутатов, но и о достаточной мере ответственности за нарушение законных прав депутатов местных Советов.

Такое положение уже закреплено в статье 24.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-З (КоАП). В части первой данной статьи объективная сторона административного правонарушения выражается в ряде альтернативных противоправных действий:

– нарушение законных прав депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутата местного Совета депутатов;

– создание депутату Палаты представителей, члену Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутату местного Совета депутатов препятствий в осуществлении ими своих полномочий;

– нарушение неприкосновенности депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь[1].

Права и полномочия депутата местного Совета депутатов предусмотрены статьями 11-21 Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов». И права, и полномочия депутатов равнозначно предусматривают обязанность иных лиц не препятствовать их реализации, а в некоторых случаях имеют четко корреспондирующую обязанность соответствующего субъекта предпринимать определенные действия для реализации права или полномочия депутата, члена Совета Республики.

В данном ключе необходимо подметить, что статья 16 Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов» предусматривает право депутата местного Совета на обращение к должностным лицам правоохранительных, иных государственных органов и других организаций с предложением об устранении нарушения законности. В свою очередь, должностные лица государственных органов и иных организаций, к которым обращено предложение депутата местного Совета, должны принять меры к устранению нарушения законности, а при необходимости – к привлечению виновных к ответственности в соответствии с законодательством Республики Беларусь, и впоследствии информировать об этом депутата[2].

---

[1] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой Представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091 (дата обращения: 08.09.2025).

[2] О статусе депутата местного Совета депутатов: Закон Респ. Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19201547&q_id=3844184 (дата обращения: 07.09.2025).

Полагаем, что такое право депутата местного Совета по своей сути не может рассматриваться как простое предложение или просьба. Предложение предполагает добровольность исполнения, тогда как обращение депутата основано на его официальных полномочиях, закрепленных в законодательстве, и требует обязательного реагирования. Такое обращение представляет собой форму реализации депутатского мандата, направленную на защиту прав граждан и обеспечение законности, а потому должно восприниматься как юридически значимое требование, исполнение которого является обязанностью соответствующих органов и должностных лиц. Для беспрепятственного и эффективного осуществления полномочий депутата местного Совета вполне допустимо данное положение уточнить в тексте Закона «О статусе депутата местного Совета».

Соответствующее дополнение могло бы быть внесено и в статью 24.16 КоАП. Здесь рационально использовать опыт российских и казахстанских коллег. К примеру, абзац 4 части 3 статьи 21 Закона Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» наделяет депутата маслихата (местного представительного органа) правом при выявлении нарушения прав граждан или иных нарушений законности потребовать прекращения нарушения, а в необходимых случаях обратиться в соответствующие органы и к должностным лицам с требованием пресечь нарушение[1]. При этом административная ответственность за невыполнение данного требования в законодательстве Республики Казахстан не установлена.

В связи с этим обратиться можно к законодательству Российской Федерации, как к федеральному, так и субъектов Федерации. Так, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ, в частности статьей 17.1, предусмотрена ответственность за невыполнение должностным лицом государственного органа, органа местного самоуправления, организации или общественного объединения законных требований члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы либо создание препятствий в осуществлении их деятельности[2].

Ответственность же за невыполнение требований депутатов представительного органа муниципального образования не установлена.

Здесь должно говорить о законодательстве субъектов Российской Федерации. Например, часть 2 статьи 11.1 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23 июня 2011 года № 413-З ответ-

[1] О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 янв. 2001 г. № 148-II: в ред. от 17.07.2025 // ИС Параграф. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021546&show_di=1 (дата обращения: 07.09.2025).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 09.09.2025).

ственность устанавливает за невыполнение должностным лицом органа местного самоуправления, организации или общественного объединения законных требований депутата представительного органа муниципального образования, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления либо создание препятствий в осуществлении их деятельности[1].

На основании вышеуказанного представляется верным использовать элементы правового регулирования обоих государств с учетом их сильных сторон, что позволит создать в Республике Беларусь более эффективный и сбалансированный механизм реализации депутатских полномочий и обеспечения законности:

– Республики Казахстан – в том, что депутат (местного Совета) при выявлении нарушения прав граждан или иных нарушений законности должен иметь право требовать их немедленного прекращения, а не только лишь право обращаться к должностным лицам или государственным органам с предложением об устранении таких нарушений;

– Российской Федерации – в том, что необходимо установление административной ответственности за невыполнение законных требований депутата (местного Совета) для обеспечения реального инструмента защиты его полномочий и авторитета.

Таким образом, вполне обоснованно говорить о закреплении права депутата местного Совета депутатов требовать устранения нарушения законности, прав, свобод и законных интересов граждан. А также об обеспечении условий для осуществления депутатом своих полномочий в части четкого закрепления административной ответственности за невыполнение такого законного требования.

Данный подход можно распространить и на депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь.

Стоит согласиться с мнением М. В. Мясниковича о том, что «депутаты местных Советов должны руководствоваться в своей деятельности требованиями о том, что депутат – это связующее звено между властью и народом, что депутат должен знать положение дел в своем избирательном округе, регионе в целом и, если надо, вовремя подсказать руководителю региона, директору предприятия, на что обратить внимание. <…> Он должен быть своего рода помощником руководителя предприятия. Он не должен оставлять без внимания халатность и некачественную работу персонала предприятия. <…> Будут эффективно работать промышленность, сельское хозяйство, все другие отрасли экономики – никакие угрозы и вызовы не будут страшны белорусскому государству и народу»[2].

---

[1] Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях: Закон Респ. Башкортостан от 23 июня 2011 года № 413-з: в ред. от 30.06.2025 // КонсорциумКОДЕКС: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/450366898 (дата обращения: 08.09.2025).

[2] Мясникович М. В., Попков А. А.. Теория и практика местного управления и самоуправления: состояние, проблемы и предложения. Минск: Беларуская навука, 2020. С. 29.

Так, усиление правового статуса депутата местного Совета через закрепление его права на требование устранения нарушений и установление ответственности за игнорирование такого требования является необходимым шагом для повышения эффективности местного самоуправления и защиты интересов граждан. Это позволит не только повысить авторитет депутатского корпуса, но и укрепить доверие населения к институтам местного самоуправления. В результате будет обеспечено более оперативное устранение нарушений, затрагивающих права и законные интересы граждан, а также предотвращение их повторного возникновения. Кроме того, наличие действенных правовых инструментов у депутатов будет стимулировать более активное взаимодействие между представительной и исполнительной ветвями власти на местном уровне.

В долгосрочной перспективе подобные меры способны содействовать формированию устойчивой системы местного управления, ориентированной на реальные потребности населения и соблюдение принципа законности.

Список источников

1. Куневич, Г. Г. Депутатам местных Советов о правовых основах местного самоуправления в Республике Беларусь / Г. Г. Куневич. – Минск: Тесей, 2007. – 128 с.

2. Мясникович, М. В. Теория и практика местного управления и самоуправления: состояние, проблемы и предложения / М. В. Мясникович, А. А. Попков. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 157 с.

У. В. Костылева

Правовая природа односторонних ограничительных мер иностранных государств, вводимых против Российской Федерации и российских лиц

Односторонние ограничительные меры, или санкции, – многогранное политико-правовое явление, которое всё чаще применяется иностранными государствами в целях продвижения собственных интересов на международной арене. Данное явление можно рассматривать с точки зрения как международного, так и национального права.

Согласно отечественной науке международного права, санкциями являются меры по обеспечению международного мира и безопасности, которые применяются в соответствии с главой VII Устава ООН[1]. Такие принудительные меры могут иметь различное выражение и представлять собой как комплексные экономические санкции, так и конкретные запреты (например, эмбарго на поставки оружия, ограничения на торговлю сырьевыми товарами). С 1996 года по настоящий момент Совет Безопасности ООН ввел 31 режим

[1] Международное право: учебник / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 504 с.

санкций в различных регионах мира[1]. Такие санкции характеризуются тем, что они: а) имеют определенную правомерную цель – противодействие терроризму, ядерное нераспространение; б) принимаются с соблюдением установленной процедуры (в соответствии с главой VII Устава ООН). С целью поддержки и осуществления указанных мер Советом Безопасности учреждаются вспомогательные органы – Комитеты по санкциям и другие комитеты по контролю за осуществлением обязательных мер.

Помимо санкций в контексте международной ответственности используется и термин «контрмеры», который так же, как и санкции, относится к форме политической ответственности. Применение контрмер предполагается одним государством против другого государства в ответ на нарушение установленных между ними договоренностей. Такие контрмеры также должны отвечать определенным критериям – соразмерность нанесенному ущербу, причиненному нарушением международного обязательства, временный характер не должны нарушать права человека[2]. Контрмеры (они же односторонние ограничительные меры) рассматриваются в качестве мер принуждения. Согласимся, что сегодня санкции, как явление международного права, зачастую понимаются в широком смысле как различные меры международного принуждения, применяемые коллективно или индивидуально отдельными государствами, а также международными организациями с целью оказания давления на политику других стран[3]. Такое смешение понятий создает определенные проблемы в квалификации тех или иных действий иностранных государств. При этом нельзя не согласиться, что санкции (в их широком понимании) действительно всё чаще становятся инструментами политики, а не права, хотя и реализуются посредством правовых механизмов.

В то же время возникает вопрос о правомерности применения таких мер принуждения, коль скоро международное право базируется в том числе на принципе *par in parem non habet imperium* – или суверенного равенства государств. Согласно Декларации о принципах международного права 1970 года, данный принцип подразумевает не только равную правосубъектность государств и их политическую независимость, но и их обязательство «выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами»[4]. Означает ли это возможность использова-

[1] Санкции Совета Безопасности ООН // ООН: [сайт]. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Международное право: учебник / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 506 с.

[3] Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию / Е. П. Гармашова, А. М. Дребот, А. Г. Баранов [и др.] // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 649.

[4] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.10.2025).

ния мер принуждения? В системном истолковании с иными общепризнанными принципами и нормами международного права данный принцип не запрещает, хотя и не разрешает применение мер принуждения, однако наделяет государства «правами, присущими полному суверенитету». Использование принудительных мер, на наш взгляд, является злоупотреблением права, которое общее международное право не одобряет, и в большинстве случаев признает таковое деяние нарушением международных правовых норм[1].

В российском законодательстве не представлено определение понятия «санкции», хотя оно встречается в различных нормативных правовых актах – например, в Федеральном законе от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», где упоминаются экономические и политические санкции как действия, представляющие угрозу территориальной целостности России или направленные на «экономическую и политическую дестабилизацию» России. Или в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где санкции упоминаются наряду с недобросовестной конкуренцией и протекционистскими мерами (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400).

В позициях высших судов чаще используется термин «ограничительные меры». Например, в постановлении от 9 июля 2021 года № 34-П Конституционный суд Российской Федерации охарактеризовал ограничительные меры иностранных государств в отношении кредитной организации заявителя как установленные ненадлежащей международной процедурой и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия[2]. В постановлении от 13 февраля 2018 года № 8-П Конституционный суд Российской Федерации также охарактеризовал присоединение к режиму санкций как недобросовестное поведение в части дискриминации по отношению к российским хозяйствующим субъектам[3]. Верховный суд РФ также отмечал, что введение ограничительных мер (в том числе персональных санкций) в отношении российских граждан «поражает их в правах как мини-

[1] Akehurst's Modern Introduction to International Law, Seventh edition, 1997. – p. 280.

[2] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также части 2 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в связи с жалобой гражданина Н. В. Кузнецова: постановление Конституционного суда РФ от 09.07.2021 № 34-П // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390175/ (дата обращения: 10.10.2025).

[3] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного суда РФ от 13.02.2018 № 8-П // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.10.2025).

мум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами», ограничивая тем самым доступ к правосудию[1].

Таким образом, в российской правовой системе термины «односторонние ограничительные меры» и «санкции» зачастую используются в качестве синонимов. Такие меры носят крайне негативный характер, представляя собой явную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в связи с чем государством вырабатывается и проводится последовательная политика противодействия указанным ограничениям как в экономическом, так и в политическом аспектах.

При этом интересно обратить внимание на практику иностранных судов в данном вопросе. Несмотря на то, что санкции против Российской Федерации и российских юридических и физических лиц вводят различные государства – США, страны Евросоюза, Австралия, Великобритания, Япония и прочие – рассмотрим подробнее санкции ЕС в практике Суда ЕС.

Правовую основу введения персональных санкций против российских лиц составляет Регламент Евросоюза № 833/2014 (в который были внесены изменения Регламентом ЕС № 2025/1494 от 18 июля 2025 г.)[2].

Основаниями для включения лиц в санкционный список являются:

1. Деятельность, направленная на поддержку или получение выгоды от российского агрессивного поведения в Украине.

2. Позиции «ведущих бизнесменов» и близких лиц, получающих выгоду от государственной власти и экономики РФ.

3. Связь с военным промышленным комплексом РФ.

4. Участие в компаниях, являющихся значительным источником дохода для российского правительства.

5. Связь с подсанкционными лицами и участниками дестабилизирующих действий в регионе.

Таким образом, среди данных оснований не содержится указания на совершение противоправного деяния или иных «виновных» действий. Основная причина включения российских лиц в данный список – наличие той или иной формы связи с российским государством, которая сама по себе не может рассматриваться как противоправная и служить обоснованием для применения мер принуждения.

При этом лица, попавшие в санкционные списки ЕС, имеют возможность обжаловать данное решение в Суде ЕС. Так, согласно Договору о функционировании Европейского союза, правомерность нормативных правовых актов ЕС контролируется Судом ЕС (ст. 263 Договора), и именно Суд ЕС обладает

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2023 № 307-ЭС23-4890 по делу № А21-10438/2022 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/ (дата обращения: 10.10.2025).

[2] Council Regulation (EU) 2025/1494 of 18 July 2025 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/1494/oj/eng (дата обращения: 18.09.2025).

полномочием по признанию акта ничтожным в случае, если иск обоснован (ст. 264 Договора)[1]. В соответствии с судебной практикой, иск признается обоснованным, если хотя бы одно из обоснований признано таковым, и в этой связи заявители указывают как можно больше доводов, чтобы хотя бы один из них имел шанс на успех.

При этом если ранее исключение лица из санкционного списка могло произойти только в случае принятия соответствующего решения Судом ЕС (заявительный порядок), то с недавнего времени политика в отношении формирования санкционных списков была изменена – такие списки теперь пересматриваются раз в полгода, что создает возможности затягивания рассмотрения судебных процессов (лицо оспорило включение его в список по одному из оснований, а спустя полгода оно включено в новый список по иному основанию)[2]. Оспаривание нормативного правового акта о включении лица в санкционный список сводится к оспариванию оснований, по которым лицо было включено в указанный список, или к доказыванию факта, что данные основания отсутствуют. При этом нельзя сказать, что практика Суда ЕС в данном случае однородна – существуют и решения, принимаемые в пользу россиян.

Так, например, в сентябре 2023 года впервые в практике Суда ЕС были сняты санкции с российского бизнесмена Александра Шульгина, бывшего главы онлайн-ритейла Ozon[3]. Александр был включен санкционный список 8 апреля 2022 года в связи с наличием статуса «ведущего (влиятельного) бизнесменаа» (*leading businessperson*). 11 апреля 2022 года Александр покинул пост генерального директора, в связи с чем, как следует из мотивировочной части заявления, утратил данный статус «влиятельного бизнесмена»[4].

При этом не всегда уход лица с «высокого поста» позволяет говорить об утрате им статуса «влиятельного бизнесмена» – например, в деле бывшего главы совета директоров «Шереметьево» А. Пономаренко Суд ЕС отказал в снятии санкций, посчитав все пять обоснований заявителя необоснованными и недоказанными[5]. В деле Александра Пумпянского со второй попытки удалось доказать изменившиеся обстоятельства – бизнесмен был включен в список будучи членом совета директоров Трубной металлургической ком-

---

[1] Договор о функционировании Европейского Союза // WIPO: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/19847 (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Гландин С. НРД vs ЕС // Что осталось за скобками дела о снятии санкций // Zakon: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/9/17/nrd_vs_es__chto_ostalos_za_skobkami_dela_o_snyatii_sankcij (дата обращения: 18.09.2025).

[3] Суд ЕС впервые постановил снять санкции с российского бизнесмена // РБК Новости: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/economics/06/09/2023/64f85ca69a79476f474467af (дата обращения: 18.09.2025).

[4] Case T-364/22: Judgment of the General Court of 6 September 2023 — Shulgin v Council // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62022TA0364&qid=1758211872218 (дата обращения: 18.09.2025).

[5] Case T-249/22: Judgment of the General Court of 5 March 2025 – Ponomarenko v Council // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2025/2197/oj/eng (дата обращения: 18.09.2025).

пании, которая, по мнению ЕС, «обеспечивает существенный источник дохода Российской Федерации»; после выхода из данной компании и, соответственно, потери связи с ней, Суд ЕС счел возможным аннулировать решение о включении Александра в санкционный список[1].

В данных случаях Суд ЕС решает вопросы факта, оценивая фактические обстоятельства дела заявителя и квалифицируя их, соотнося с указанными выше (причем достаточно оценочными, на наш взгляд) основаниями включения лица в санкционный список. При этом в отдельных решениях суд указывал, что главной целью включения лиц в санкционный список является оказание давления на Российскую Федерацию с целью изменения ее внешней политики. Очевидно, что такая политическая цель, хотя и реализуемая правовыми механизмами, не может считаться легитимной.

Таким образом, мы приходим к выводу, что односторонние ограничительные меры иностранных государств (или в широком смысле слова санкции) являются инструментами политического давления и международного принуждения, которые не имеют легитимного обоснования и противоречат общепризнанным принципам и нормам международного права. Согласимся с Н. А. Чернядьевой, что такие меры действительно можно рассматривать в том числе как способ экстерриториального действия национального права[2]. Важно создавать эффективные механизмы противодействия санкциям иностранных государств для укрепления национальной безопасности Российской Федерации и усиления ее позиций на международной арене.

Список источников

1. Бизнесмены борются за выход // Коммерсантъ: [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6366787 (дата обращения: 18.09.2025).

2. Гландин, С. НРД vs ЕС // Что осталось за скобками дела о снятии санкций / С. Гландин // Zakon.ru: [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/9/17/nrd_vs_es__chto_ostalos_za_skobkami_dela_o_snyatii_sankcij (дата обращения: 18.09.2025).

3. Международное право: учебник / под ред. А. Н. Вылегжанина. – Москва: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 1003 с.

4. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию / Е. П. Гармашова, А. М. Дребот, А. Г. Баранов [и др.] // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 649–662.

5. Суд ЕС впервые постановил снять санкции с российского бизнесмена // РБК Новости: [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/06/09/2023/64f85ca69a79476f474467af (дата обращения: 18.09.2025).

6. Чернядьева, Н. А. Односторонние ограничительные меры как способ экстерриториального действия национального права / Н. А. Чернядьева // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 1 (167). – С. 108–111.

7. Akehurst's Modern Introduction to International Law, Seventh edition, 1997.

[1] Бизнесмены борются за выход // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6366787 (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Чернядьева Н. А. Односторонние ограничительные меры как способ экстерриториального действия национального права // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1 (167). С. 108.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России (Российская Федерация).

Буйко Олег Юрьевич, магистрант Университета Национальной академии наук (Республика Беларусь).

Василевич Григорий Алексеевич, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Василевич Сергей Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления и права Международного университета управления и предпринимательства (Республика Беларусь).

Костылева Ульяна Владимировна, магистрант Юридического института Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Российская Федерация).

Мартьянова Анастасия Анатольевна, адвокат Минской городской коллегии адвокатов (Республика Беларусь).

Черкасов Константин Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени П. Сорокина (Российская Федерация).

Чертков Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Корпоративного университета развития образования, профессор кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Российская Федерация).

Шалберкина Марина Николаевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Российская Федерация).